

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печникова.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1902 г. VI годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ: Агентура Союза драматическихъ писателей. — Еще о Союзѣ оркестровыхъ музыкантовъ. — Замѣтки. — Личныя замѣтки объ общихъ вопросахъ театра (продолженіе). *Кн. А. Сумбатова*. — Хроника театра и искусства. — «Добавочные пункты» (Изъ письма въ редакцію). *В. М. Янова*. — Письма о литературѣ *Г. П. М. Ярица*. — Въ царствѣ красокъ (продолженіе). *Н. Брешко-Брешковскаго*. Совѣты. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

№ 40.

Рисунки: «Мѣщане» Горькаго на сценѣ «Lessing Theater» (3 рис.), «Монна Ванна» (2 рис. *М. Гоффе*), Лондонскіе театры (5 рис.), «Дмитрій Самозванецъ» въ Народномъ домѣ, Герои современныхъ пьесъ (3 рис.).

Портретъ: *И. А. Мельникова*.

Приложеніе: «Новая женщина», ком. въ 1 д. *Н. А. Лужмановой*.

Продолжается ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1 Іюля) подписка
НА ЖУРНАЛЪ
„Театръ и Искусство“
(шестой годъ изданія).

Подписная цѣна — 4 руб.

Съ 1 января 1902 г. по конецъ года — 7 р.

С.-Петербургъ, 29 Сентября 1902 г.

Какъ мы сообщили въ № 39, послѣдовало разрѣшеніе на привлеченіе почтово-телеграфныхъ чиновниковъ къ участию въ агентурѣ Союза драматическихъ писателей при Театральномъ Обществѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, это очень надежный элементъ для агентуры, удобный въ томъ отношеніи, что въ каждомъ, даже самомъ незначительномъ, пунктѣ Союзъ можетъ имѣть своего представителя.

Тѣмъ не менѣе, слѣдовало бы заранѣе выяснить основной взглядъ Союза на эту агентуру. Будетъ ли она восполняющей или исключительной, т. е. намѣренъ ли Союзъ прибѣгать къ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ и по условіямъ жизни не можетъ быть, особаго уполномоченнаго Театральнаго Общества, или же въ рукахъ почтово-телеграфнаго вѣдомства будетъ сосредоточена вся агентура?

Намъ думается, что слѣдовало бы пользоваться услугами почтово-телеграфныхъ чиновниковъ только тамъ, гдѣ нѣтъ уполномоченныхъ Театральнаго Общества и не можетъ ихъ быть, т. е. въ малонаселенныхъ, незначительныхъ пунктахъ. Стремленіе сосредоточить съ теченіемъ времени всю агентуру въ рукахъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ пред-

ставляетъ то существенное неудобство, что создало бы двойственность органовъ надзора на мѣстахъ. Пришлось бы вѣдаться и съ уполномоченными Театральнаго Общества, и съ почтовыми чиновниками, давать имъ уже 2 бесплатныхъ кресла, вдобавокъ имѣя еще дѣло съ агентомъ общества драматическихъ писателей. Какъ будто слишкомъ много...

Разумѣется, можно было бы такъ устроить, чтобы уполномоченные Театральнаго Общества назначались изъ числа почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Но такая принудительная однородность состава уполномоченныхъ не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляются со стороны Театральнаго Общества. Пришлось бы лишиться участія многихъ истинныхъ театраловъ, уважаемыхъ и авторитетныхъ лицъ, только потому, что они не почтово-телеграфные чиновники.

Поэтому намъ думается, что Союзу слѣдовало бы пользоваться разрѣшеніемъ, даннымъ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ, *факультативно*, т. е. отнюдь не ставя этого себѣ въ обязанность, ходатайствовать каждый разъ предъ начальствомъ почтово-телеграфнаго округа о назначеніи въ такомъ то пунктѣ агента изъ числа проживающихъ въ немъ, подвѣдомственныхъ округу, чиновъ.

Наши статьи о союзѣ оркестровыхъ музыкантовъ вызвали нѣсколько писемъ въ редакцію. Приводимъ одно изъ нихъ, многое разъясняющее въ затронутомъ нами вопросѣ.

«Вы говорите съ точки зрѣнія членовъ Театральнаго Общества, что для васъ невыгодно соединеніе съ союзомъ музыкантовъ. Но то же самое говорятъ многіе изъ музыкантовъ.»

Членовъ-учредителей Союза взяло раздумье. Принятый единогласно, какъ сообщалось, уставъ «Союза» былъ выслушанъ безъ возраженій только потому, что до перваго собранія никто изъ участниковъ собранія не былъ ознакомленъ съ

проектомъ хотя бы въ общихъ чертахъ. Молчаніе было принято за согласіе, согласно принципу: qui tacet consentire videtur. Теперь же почти каждый пунктъ возбуждаетъ сомнѣнія. Наиболее горячіе дебаты идутъ по поводу предлагаемаго взноса 2 р. 50 к. въ Театральное Общество. Музыканты совершенно не согласны съ опасеніями, высказанными въ «Театрѣ и Искусствѣ». Народившійся союзъ не обольщаетъ себя надеждой стать роднымъ дѣтищемъ Театральнаго Общества: участникамъ союза заявлено, что ихъ ждетъ второй планъ при удовлетвореніи ихъ нуждъ. При такомъ взглядѣ положеніе музыкантовъ было бы унижительно. Если Театральное Общество начнетъ устраивать дѣла Союза на средства, образовавшіяся изъ членскихъ двухрублевыхъ взносовъ, то придется долго ждать накопленія необходимыхъ средствъ. И въ чемъ же смыслъ постоянныхъ взносовъ 2 р. 50 к. въ Театральное Общество? Когда дѣло будетъ поставлено, когда у Союза появятся свои средства, свои учреждения, миссія Театральнаго Общества будетъ кончена. Взносы же будутъ постоянно данью.

Если бы Театральное Общество выдало союзу заимообразно нѣкоторую сумму на устройство дѣлъ, и платежи въ 2 р. 50 к. вносились до той поры, когда будетъ погашенъ долгъ,—тогда бы еще взносы имѣли логическое основаніе. Далѣе бытъ въ главу слѣдующій недосмотръ или же странное недоразумѣніе. Театральное Общество выдало Союзу проектъ устава въ первомъ же пунктѣ котораго говорится, что «Театральное Общество утверждаетъ, на основаніи § 2 п. «и» своего устава, для оркестровыхъ музыкантовъ—Союзъ. Казалось бы, что утверждаетъ, тотъ и выработываетъ инструкціи для первыхъ шаговъ этого учрежденія. Между тѣмъ вновь избранное правленіе чувствуетъ себя крайне беспомощнымъ и не знаетъ за что приняться.

Раздаются голоса и объ учрежденіи Бюро музыкантовъ. Но по словамъ А. Д. Рѣзвцова, избраннаго товарищемъ предсѣдателя правленія Союза, Бюро въ Петербургѣ не на мѣстѣ. Какъ труппы, такъ и оркестры формируются почти исключительно въ Москвѣ. По мнѣнію А. Д., рациональнѣе бы было учредить зимній курзалъ, гдѣ бы каждый вечеръ игралъ постоянный симфоническій оркестръ причѣмъ оркестръ Союза во всякое время могъ бы выдѣлить извѣстную часть музыкантовъ, и каждый антрепренеръ всегда имѣлъ бы возможность получить добросовѣстно сформированный ансамбль оркестровыхъ исполнителей. Такимъ образомъ постоянный симфоническій оркестръ послужилъ бы ядромъ, къ которому лѣпились бы постепенно оркестровые музыканты. Содержаніе довольно многочисленнаго оркестра, благодаря новизнѣ дѣла, окупалось бы даже минимальной платой за входъ въ курзалъ.

Въ общемъ, если поближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ Союза оркестровыхъ музыкантовъ, то видишь, что этотъ союзъ еще далеко не совершившійся фактъ. Скорѣе—крикъ страстнаго желанія.

Изъ этого письма ясно видно, что обоюдное влеченіе музыкантовъ и Театральнаго Общества не изъ особенно страстныхъ. И такъ какъ «была безъ радости любовь», то слѣдуетъ думать, что и «разлука будетъ безъ печали». Кстати, наиболѣе равнодушны къ Союзу музыканты Императорскихъ театровъ, обезпеченные и постоянною службою, и пенсіями. Еще любопытно, что едва возникла мысль о Союзѣ, какъ разыгрались, что вполне естественно для такой малокультурной среды, какъ оркестровые музыканты, антисемитическіе Judenfresser'ы. Употребляемъ нѣмецкое слово, потому, что нѣмцы—музыканты—главные антисемиты, и нѣмцевъ—музыкантовъ огромное большинство. Недурная компанія новыхъ членовъ для терпимаго и всегда гуманнаго Театральнаго Общества...

При послѣднемъ чтеніи нормальнаго контракта, внесены нѣкоторыя измѣненія относительно обязательнаго платежа актерамъ жалованья во время ихъ болѣзни. По проекту предполагалось установить семидневный срокъ для непрерывной болѣзни и 14 дневный для прерывающейся. Въмѣсто этихъ опредѣленныхъ сроковъ, въ виду разной длительности сезоновъ, установлена процентная норма. Такъ, для непрерывной болѣзни 5% договорнаго срока не подлежатъ вычетами; отъ 5% до 10% вычеты производятся за дни болѣзни; свыше 10% непрерывной болѣзни, антрепренеру предоставляется право нарушить контрактъ. При прерывающейся болѣзни, съ сохраненіемъ содержанія, допускается 10% договорнаго срока, въ общей совокупности; отъ 10 до 15% съ вычетомъ за излишніе дни; свыше 15%—нарушеніе договора.

Въ бюджетѣ Театральнаго Общества предстоитъ крупное измѣненіе. Именно, въ распоряженіе Совѣта Театральнаго Общества поступило для выдачи ссудъ сценическимъ дѣтелямъ, помимо 7,000 руб., находящихся въ обращеніи, еще 50,000 руб., составившихся изъ ежегодныхъ отчисленій въ размѣрѣ 25% изъ всѣхъ денежныхъ поступленій въ Театральное Общество, которыя производились, согласно § 4 устава Театральнаго Общества, со дня введенія въ дѣйствіе нынѣшняго устава. Этотъ капиталъ къ 1 января 1901 г. составлялъ крупную сумму 39,884 р. 10 к., къ 1-му же января 1902 г. возросъ почти до 50,000 руб. Изъ этого капитала нѣсколько лѣтъ тому назадъ была позайствована значительная сумма на постройку пріюта для дѣтей сценическихъ дѣтелей, которая, впрочемъ, почти пополнена, благодаря ежегоднымъ отчислениямъ на эту статью изъ текущихъ средствъ Общества. Такъ какъ ссудный капиталъ достигъ столь крупной суммы, то съ 1 января 1902 года прекращены отчисления на образованіе этого капитала.

Затѣмъ отчисленія въ неприкосновенный капиталъ уменьшены съ 25% до 10%. Кроме того съ 1 января 1902 г. отчисляется со всѣхъ поступленій 10% на образованіе запаснаго капитала. Всего, слѣдовательно, будетъ отчисляться теперь только 20% вмѣсто 50%, которые отчислялись на образованіе ссуднаго и неприкосновеннаго капитала. На предстоящее общее собраніе, которое предполагается созвать около 15 октября, будетъ внесено, кроме того, предложеніе объ отчисленіи еще 15% на содержаніе пріюта для дѣтей сценическихъ дѣтелей.

Безъ всякаго сомнѣнія, пріютъ для дѣтей будетъ полезнѣе, нежели мелкая раздача пособій, рѣдко приводящая къ цѣли.

Личныя замѣтки объ общихъ вопросахъ театра.

(Продолженіе)*.

V.

Итакъ, общественная дѣятельность актера заключается въ подъемѣ своего сословнаго достоинства и находится въ полной зависимости отъ того, на сколько онъ своей борьбой, стойкостью и убѣжденной послѣдовательностью оберегаетъ театръ отъ уступокъ жизненнымъ инстинктамъ толпы въ продолжительныя эпохи, когда художественные запросы общества ослабѣваютъ и понижаются. Если бы тѣ же поистинѣ героическія силы, какія русскій актеръ проявилъ въ теченіе полутораста лѣтъ своей дѣятельности въ борьбѣ съ тяжелыми условіями матерьяльной нужды, а еще больше — зависимости отъ всевозможныхъ формъ произвола, онъ проявилъ бы въ борьбѣ за чистоту и художественность театра,—насколько легче было бы дышать современному намъ поколѣнію актеровъ! Одна эта цѣль, своимъ громаднымъ значеніемъ, сама по себѣ разрѣшила бы тѣ вопросы «профессиональной этики», о рѣшеніи которыхъ П. Д. Боборыкинъ звалъ къ первому всероссійскому съѣзду сценическихъ дѣтелей на памятномъ засѣданіи 9-го марта 1897 г.

Эта «неустойчивость профессиональной этики» — одно изъ самыхъ пошлыхъ, но дѣйствительныхъ въ глазахъ лицемѣрія орудій, направляемыхъ на насъ, какъ на сословіе. На эти обвиненія не стоитъ отвѣчать. Типичный складъ жизни русскаго актера показываетъ, что у насъ искренней религіозности, привязанности къ семьѣ, сознанія своего личнаго достоинства не меньше, чѣмъ во многихъ другихъ общественныхъ классахъ, и во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньше лицемѣрія во внѣшнемъ выраженіи этихъ качествъ. Мы не считаемъ нужнымъ быть ханжами, если мы не

* См. № 39.

вѣримъ; но если мы вѣримъ, то вѣримъ сильнѣе и искреннѣе, чѣмъ многіе въ наше время. Если мы образуемъ—законную или не законную семью, то она во всякомъ случаѣ прочнѣе многихъ семей другихъ классовъ, потому что у насъ нѣтъ браковъ по расчету и потому что у насъ мужа съ женой чаще сближаетъ общность дѣла и интересовъ.

Правда, у насъ не меньше въ процентномъ отношеніи, чѣмъ въ другихъ классахъ общества, случаевъ внутренняго распада семьи; но за то мы не считаемъ нужнымъ сохранять ея внѣшнія формы въ видѣ *mépages á trois, á quatre, а cinq*, какъ это практикуется вездѣ, сплошь и рядомъ, и не искажаемъ идеи семейнаго очага, заставляя ее быть ширмами, за которыми свалена куча грязнаго бѣлья. До благодѣтельнаго закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, въ кругу русскаго артистическаго міра незаконныя дѣти были въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ ихъ существованіе могло подорвать чопорное величіе внѣшнихъ атрибутовъ семьи. Въ артистическомъ мірѣ и пьютъ, и играютъ въ карты, и измѣняютъ, и не платятъ долговъ, и дѣлаютъ всѣ тѣ отступленія отъ общепринятой морали, какія намъ ставятся въ упрекъ, нисколько не больше, если не меньше, въ процентномъ отношеніи, чѣмъ во всѣхъ классахъ современнаго общества, но за то ужъ воруютъ и мошенничаютъ неизмѣримо меньше.

Но—я обращаю особенное вниманіе на этотъ, можетъ быть, ошибочный, за то вполне искренній и убѣжденный мой выводъ—всѣ эти обвиненія принимаютъ острый характеръ именно потому, что *наше отношеніе къ главной цѣли нашей дѣятельности—охраненію чистоты нашего дѣла—слишкомъ небрежно*. Мы слишкомъ слабо боремся за достоинство театра, позволяемъ ему служить и до сихъ поръ такимъ явленіямъ, которыя его унижаютъ—и эта снисходительная, безразличная слабость наша невольно вызываетъ мысль, что мы такъ-же легко относимся къ нашей «профессиональной этикѣ», какъ къ этикѣ учрежденія, которому мы служимъ. И отсюда прямой переходъ къ тому, что не намъ имъ руководить, не намъ его поднять и возродить во всей его идеальной чистотѣ, что насъ только можно эксплуатировать, какъ гениальныхъ, талантливыхъ, полезныхъ, наконецъ, необходимыхъ для дѣла *исполнителей*, но что намъ нельзя предоставить общественное учрежденіе въ полную власть, какъ это могло бы быть, еслибъ наша «профессиональная этика» и наше развитіе стояли бы на потребной высотѣ. Какъ это ни оскорбительно, но мы и съ этимъ примиряемся слишкомъ легко. Мы вознаграждаемъ себя за это чувство обиды—своимъ успѣхомъ, художественной работой, не осмысленной ясно поставленной себѣ цѣлью, и вслѣдствіе этого часто направляемой на ложныя или развратныя и ужъ во всякомъ случаѣ—антихудожественныя произведенія, придаемъ имъ нашимъ талантомъ значеніе, котораго они не заслуживаютъ, смѣшиваемъ этимъ нашъ театръ съ балаганными или кабацкими подмостками, роняемъ свое профессиональное достоинство и честь нашего званія, и наконецъ, являемся игрушками въ чуждыхъ нашему дѣлу рукахъ.

Чтобы занять въ театрѣ принадлежащее намъ первенствующее мѣсто, намъ прежде всего и какъ можно скорѣе надо отбросить нашу профессиональную страсть къ личной славѣ и отношеніе къ ней, какъ къ конечной цѣли нашей дѣятельности, и по-

ставить себѣ сознательно и неизмѣнно иную цѣль—*упорнымъ развитіемъ своей личности, наравнѣ съ развитіемъ своего таланта создать такой составъ дѣятелей театра, который стоялъ бы такъ же высоко, какъ высока сама основная идея театра*.

Наши предшественники, сдѣлавъ мало въ этомъ направленіи, сдѣлали за то для насъ всю черную работу. Они своимъ талантомъ заставили полюбить и признать театръ въ Россіи. И намъ на этомъ расчищенномъ полѣ, уже легко, ясно сознавъ свои стремленія и задачи, спокойно, сознательно и упорно начать свое новое движеніе впередъ. Нашимъ современникамъ актерамъ предстоитъ обособить истинный театръ отъ всѣхъ тѣхъ подмостковъ, съ которыхъ ложь и развратъ льются въ общество, и приготовить самихъ себя къ достойному служенію этому «освобожденному театру». Тогда только театръ—какъ учрежденіе, а актеры—какъ сословіе войдутъ въ общество полноправными участниками въ его культурномъ движеніи. Но чтобы достигнуть этого, намъ надо перейти къ безошадному анализу какъ своихъ недостатковъ, такъ и своихъ достоинствъ. Искоренить одни, развить другія. Выяснить, въ чемъ ихъ причина.

Твердо установить, что намъ нужно развивать, отъ чего отказаться, съ чѣмъ бороться. Надо хорошо вникнуть въ сущность нашего искусства, разобратъ въ немъ, въ своихъ силахъ идти противъ того, что въ немъ есть ложь-

„Мѣщане“ Торькаго на сценѣ „Lessing Theater“.

И. Клейнъ въ роли Безсѣменова.

Геферъ въ роли Перчихина.

Винтерштейнъ (Ниль) и Коллендъ—Поля.

наго, и служить тому, что въ немъ есть важнаго. Наконецъ, уяснить себѣ условія художественной дисциплины.

Эту страшную по величинѣ работу могутъ произвести *на практикѣ* только поколѣнія рядовыхъ работниковъ и цѣлыя плеяды отдѣльных талантовъ. Но пора хоть *въ теоріи* намѣтить—отъ чего намъ отправляться и—къ чему идти.

Актерское дѣло переживаетъ теперь переходное состояніе, близкое къ неопредѣленному. Нервная порывистость общества и его литературныхъ запросовъ, нѣкоторая запутанность художественныхъ те-

ченій послѣдняго времени, несомнѣнная «переоцѣнка цѣнностей», которая теперь же охватила не только литературу, но и русскую дѣйствительность — все это вмѣстѣ взятое заставляетъ театръ тревожно прислушиваться къ новымъ, еще далеко не яснымъ звукамъ, улавливать еле обозначающіяся черты, и главное — рѣшить, что изъ всего этого — невыясненнаго и неопредѣливаго еще — относится дѣйствительно къ области художественнаго и что вылѣзло на первый планъ только случайно, подъ напоромъ модныхъ увлеченій.

Въ литературу, а значитъ и въ театръ, вошли такіе запросы, которые уже выходятъ изъ круга чисто художественныхъ сторонъ жизни и касаются зачастую глубочайшихъ областей социального, религіознаго и философскаго характера. Въ жизнь входятъ, благодаря все сильнѣе и сильнѣе развивающейся культурѣ, цѣлыя толпы людей, раньше игравшихъ пассивную роль. Считавшаяся безспорной мораль жизни для ближняго, для его счастья, свободы и улучшения, мораль, вызвавшая ясныя и опредѣленные теченія освободительнаго, романтическаго и реалистическаго направленія литературы двухъ прошлыхъ вѣковъ, если не смѣняется, то видоизмѣняется сейчасъ новымъ — смѣлымъ и страшнымъ ученіемъ — о полной свободѣ личности, настроенія, инстинкта и жизненныхъ силъ. Не имѣя духу вполне отдаться этому бурному и пока очень мутному приливу, культурная мысль подвязываетъ себѣ поправки изъ мистицизма, сенсуализма и порывовъ къ абстракту. Поэзія (въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова) почти порвала связь съ прошлымъ, далеко еще незаконченнымъ и остановленнымъ на первыхъ шагахъ своего развитія, и устремилась въ область символовъ, осложнений, исключительности, причудливыхъ линий, странныхъ окрасокъ, и зачастую — уродливыхъ образовъ. Разумъ долго не хотѣлъ мириться съ этими порывами, совѣсть и художественное чувство «доброй правды» — съ этими новыми теоріями сверхъ-человѣчества, но факта, очевиднаго и несомнѣннаго, и роста этого факта уже отрицать нельзя. Искусству первому пришлось столкнуться съ этимъ новымъ «нашествіемъ гунновъ» и придется сыграть въ немъ свою обычную важную роль. Такъ какъ это статья — о театрѣ, то только о судьбѣ и роли театра въ этомъ нахлынувшемъ внезапно бурномъ приливѣ и будетъ здѣсь рѣчь. На насъ теперь страшная отвѣтственность. Намъ надо или отстоять прежнее, разъ въ немъ правда, или служить новому, разъ старая правда уже стала неправдой. Нельзя намъ, въ силу всего сказаннаго въ первой части этой статьи, безсознательно и покорно идти за всѣмъ безъ разбора, чего отъ насъ требуетъ минута. Пора кончить эти безотчетные скачки, которые уже дали въ нашемъ прошломъ такой страшный калейдоскопъ — отъ Сумарокова къ Фонъ-Визину, отъ Хераскова къ Грибоѣдову, отъ Грибоѣдова къ Кукольникову, отъ Гоголя къ мелодрамѣ, отъ Шекспира къ водевилю, отъ Островскаго къ опереткѣ, и такъ далѣе. Да и теперь уже вопросъ идетъ не о томъ, что хорошо, что худо, что художественно, что пошло. Это было легко разобрать. Тамъ, совершая эти салтомортале, мы ясно видѣли, что «вводимся въ искушеніе», грѣшимъ по неволѣ, по нуждѣ, по принужденію, наконецъ, по слабости, по неустойчивости сознанія нашихъ коренныхъ стремленій. И въ смѣнѣ даже серьезныхъ направленій театра не могли же мы не видѣть, что борьба между классиками и романтиками, романтиками и реалистами была все-таки, какъ бы ожесточенно она ни велась, только борьбой формъ одной и той-же сущности, столкнове-

ніемъ цѣнностей одного порядка, сектъ одной религіи, споромъ, какъ лучше служить одному и тому же Богу — а теперь прямо ставится вопросъ о перемѣнѣ всей вѣры. Являются сомнѣнія, что лучше — убить или не убить, дѣлать добро или дѣлать зло, прощать или мстить, поработать или освободить, искать отвѣтовъ на жизнь въ самой жизни или въ мечтахъ! Ставится коренной вопросъ, въ чемъ цѣль искусства? Что нужно обществу въ театрѣ — мыслить или догадываться? Чувствовать или ощущать? Наслаждаться сознательно или подъ гипнозомъ?

Эта буря застала насъ не готовыми. Одни изъ насъ, не разбирая, куда ихъ ведутъ, покорно согнули голову и пошли по вѣтру успѣха. Они съ легкимъ сердцемъ отреклись отъ началъ, которыя, впрочемъ, никогда и не были имъ знакомы, окрестили все сплошь «рутиной» и сами надѣли ярмо на свою свободу личнаго творчества, безъ котораго актеръ при самомъ громкомъ успѣхѣ все таки только бутафорская вещь. Другіе не поняли, что искусство требуетъ отъ актера непрерывнаго улучшенія и прогресса не только своихъ личныхъ свойствъ, но и приемовъ своего творчества, а жизнь въ своемъ неудержимомъ ходѣ — напряженнаго вниманія и изученія всѣхъ ея явленій, всѣхъ ея нарождающихся типовъ, идей и стремленій и что, по несравненному завѣту Шекспира, актеръ долженъ «изображать вѣкъ и его характеръ», а значитъ и откликаться на всѣ его существенные запросы, какъ бы мало они ни отвѣчали его личнымъ симпатіямъ. Наконецъ, третьи просто мало готовы быть актерами, мало знаютъ, мало работаютъ и мало хотятъ работать. Эта третья категория — подавляющее большинство, 90% всего актерскаго міра, въ которомъ разсѣяны и бьются по одиночкѣ въ упорной и тщетной борьбы отдѣльные талантливые люди, во что бы то ни стало, не смотря на гнетущія условія большинства нашихъ театровъ, желающіе разработать свои дарованія и по чести и совѣсти служить театру. Ихъ, все таки, очень много и на нихъ вся надежда и въ нихъ все будущее театра.

А. Южинъ (Кн. Сумбатовъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Приютъ для дѣтей сценическихъ дѣятелей открывается съ 1 октября. Нынѣшней зимой въ немъ будетъ воспитываться только 10 дѣтей, въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ и 5 мальчиковъ. Пова убѣжище будетъ помѣщаться въ частномъ домѣ. Снята уже квартира (Введенская ул., д. 20, около самаго Александровскаго парка) въ 5 комнатъ.

Собственное зданіе приюта будетъ готово лишь къ маю. Подъ приютъ, какъ мы сообщали, перестраивается старое зданіе убѣжища для ирестарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей. Сзади и спереди къ зданію дѣлаются пристройки и кромѣ того, возводится второй этажъ. Приютъ рассчитанъ на 40 дѣтей, причѣмъ въ первомъ этажѣ будутъ спальни, классныя комнаты и проч. для 10 мальчиковъ старшаго возраста. Во второмъ этажѣ — помѣщенія для 10 мальчиковъ младшаго возраста, и для 20 дѣвочекъ — для 10 старшаго возраста и для 10 младшаго. Въ первомъ же этажѣ будетъ устроена квартира для священника, который приглашается для первыи убѣжища сценическихъ дѣятелей.

Кромѣ того, снято у дворцоваго вѣдомства, которому принадлежитъ земля, окружающая убѣжище, еще 300 сажень, на которыхъ будетъ возведена электрическая станція и разныя постройки для службъ.

24 сентября исполнилось 35 лѣтъ со дня перваго выхода на сценѣ Маринскаго театра одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ пѣвцовъ, Ивана Александровича Мельникова. Первый выходъ И. А. состоялся въ оперѣ „Пуритане“ и сразу составилъ молодому артисту громкое имя. Успѣхъ его былъ полный, и публика наградила дебютанта шумными и единодушными рукоплесканіями. По случаю юбилея, знаменитаго артиста привѣтствовала масса его друзей, учениковъ, поклонниковъ таланта, знакомыхъ. Артисты Маринской оперы торжественно вручили И. А. адресъ слѣдующаго содержанія:

35 лѣтъ тому назадъ, въ періодъ наибольшаго процвѣтанія въ Петербургѣ италіанской оперы, на скромной тогда русской сценѣ появилась сила, начавшая собою новую, блестящую эпоху въ жизни родного музыкальнаго искусства, сила, заставившая любителей вокальнаго искусства обратить взоры въ сторону національной сцены: сила эта—ты, дорогой товарищъ, дивный голосъ и чарующій талантъ котораго сослужили неогцѣнимую службу русскому лирическому театру.

Имя твое, чудный багрянъ русской сцены, во вѣкъ не изгладится изъ памяти истинныхъ друзей искусства и яркими буквами будетъ внесено въ историю русскаго театра.

Нынѣ же товарищи-артисты русской оперы дружнымъ хоромъ поютъ тебѣ „славу“ и шлютъ низкій поклонъ.

Адресъ покрытъ подписями всѣхъ артистовъ оперы.

Кромѣ этого, И. А. было получено много поздравительныхъ писемъ, телеграммъ, карточекъ.

* * *

По словамъ „Нов. Дня“, вопросъ объ уничтоженіи бенефисовъ въ Маломъ театрѣ, возбужденный по инициативѣ самихъ артистовъ, теперь рѣшенъ окончательно. Въ вознагражденіе за бенефисы артисты, пользовавшіеся ими, получили прибавку къ окладу по 1,500 руб. въ годъ.

* * *

Присужденіе премій за представленныя на конкурсъ Литературно-Художественнаго Общества пьесы состоится въ воскресенье, 29 сентября.

* * *

Изъ 7000 руб., ассигнованныхъ въ 1901 г. Театральнымъ Обществомъ на ссуды сценическимъ дѣятелямъ, въ долгахъ находится 5200 руб. Многимъ долгамъ уже давно истекъ срокъ.

* * *

М. М. Ивановъ закончилъ новую оперу «Каширская Старица», на либретто, сокомпанованное самимъ композиторомъ изъ извѣстной пьесы Д. В. Аверкіева.

* * *

Для участія въ «Ипполитѣ» и «Дмитріѣ Самозванцѣ» на сценѣ Александринскаго театра, въ качествѣ статистовъ, приглашено 50 студентовъ, на ежемѣсячное жалованье въ 25 руб. Въ «Дмитріѣ Самозванцѣ» участвуетъ не болѣе, не менѣе, какъ 315 человекъ.

* * *

† В. Васильевъ. 7 сентября скончался въ Петербургѣ опереточный комикъ В. Васильевъ, служившій почти до послѣднихъ дней въ Вильнѣ. Покойный оставилъ вдову, французженку, кстати не научившуюся даже русскому языку, и трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Послѣднія взяты на попеченіе Театральнымъ Обществомъ, помѣщающимъ ихъ въ пріютъ. Похороны Васильева, не оставившаго никакихъ средствъ, состоялись на

деньги, выданныя изъ Театральнаго Общества, а также на собранныя по подпискѣ товарищами покойнаго.

* * *

† Э. Н. Коноусъ. 20 сентября въ Москвѣ, на Иновѣрческомъ кладбищѣ, похоронили Э. К. Коноуса, одного изъ старѣйшихъ въ Москвѣ педагоговъ-музыкантовъ. Покойному было 76 лѣтъ. На похоронахъ присутствовало много товарищей, сослуживцевъ и учениковъ покойнаго.

* * *

† К. А. Ромашковъ. 20 сентября скончался профессоръ московской консерваторіи по классу контрабаса К. А. Ромашковъ. Покойный получилъ образованіе въ московской же консерваторіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1883 году. Съ самаго окончанія курса онъ служилъ въ оркестрѣ Императорскаго Большаго театра, и, какъ одинъ изъ лучшихъ оркестровыхъ музыкантовъ, много лѣтъ состоялъ членомъ симфоническаго оркестра музыкальнаго общества. Прессоромъ консерваторіи онъ сдѣлался недавно, годъ тому назадъ; умеръ на 44-мъ году отъ горловой чахотки.

* * *

Слухи и фанты.

— Малый театръ будетъ въ оконченомъ видѣ сдать дирекціи Литературно-художественнаго Общества 5 октября. Спектакли предполагается начать 10 октября.

— 1 октября, въ день годовщины основанія Театральнаго Общества, въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей будетъ отслуженъ молебенъ.

— Театръ «Пассажъ» прежде, чѣмъ будетъ разрѣшенъ къ открытію, будетъ осмотрѣнъ особой комиссіей въ противоположномъ отношеніи. Впрочемъ, актеры обезпечены, такъ какъ г-жей Дальской внесенъ въ Совѣтъ Театральнаго Общества залогъ въ размѣрѣ 10,000 руб.

— Симфоническія собранія Русскаго Музыкальнаго Общества въ Петербургѣ будутъ происходить подъ управленіемъ гг. А. Н. Виноградскаго, Артура Никиша, Макса Фидлера и А. Б. Хессина. При участіи хора Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, 16-го ноября 1902 г. состоится подъ

управленіемъ В. И. Сафонова, ежегодное экстренное симфоническое собраніе въ память А. Г. Рубинштейна, сборъ съ коего обращается въ фондъ А. Г. Рубинштейна. Предположено исполнить «Вавилонское столпотвореніе» со сценической обстановкой. Всѣхъ симфоническихъ собраній будетъ десять.

— Въ консерваторію приглашены преподавателями пианисты Г. А. Боровка и г. Медемъ, которые должны замѣнить покойнаго К. К. фонъ-Арка.

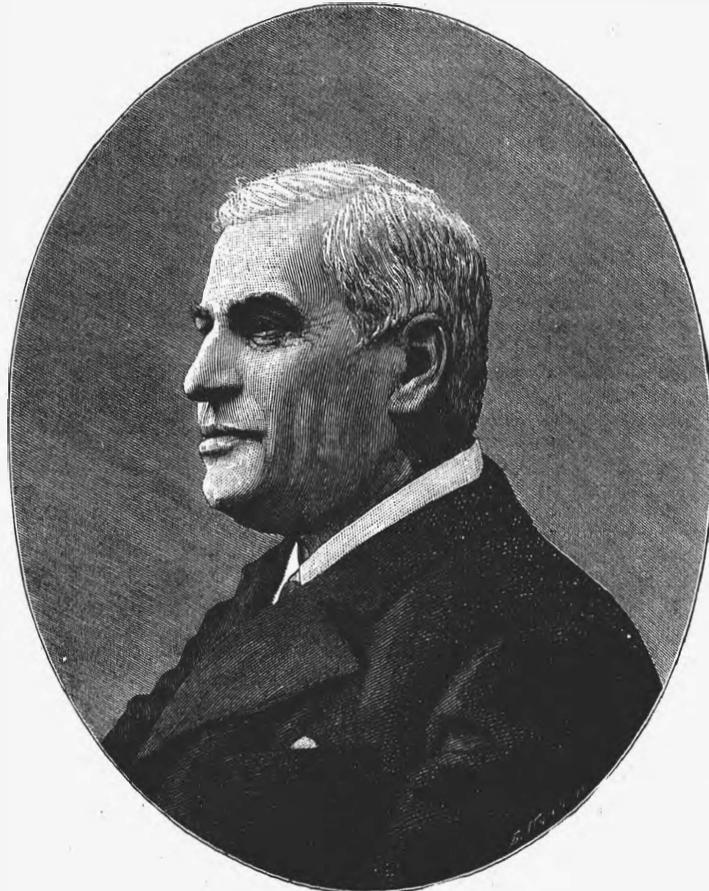
— На зимній сезонъ заль новодеревенскаго пригороднаго пожарнаго общества снятъ драматической труппой подъ управленіемъ г. Миронова и Кристмана.

— Пьеса «Святое искусство», шедшая не безъ успѣха въ прошломъ сезонѣ въ театрѣ Корша, приобрѣтена г-жей Дальской для постановки въ Петербургѣ.

— Ближайшія новинки Александринскаго театра: «Да здравствуетъ жизнь» и «Ипполитъ». Послѣдняя пьеса пойдетъ при слѣдующемъ распредѣленіи ролей: Ипполитъ—г. Юрьевъ, Тевей—гг. Шуваловъ и Петровъ (въ очередь), Вѣстникъ—гг. Ходотовъ и Волоховъ, Федра—г-жа Мичурина.

— Э. И. Шалапинъ появится въ нынѣшнемъ сезонѣ на Маринской сценѣ въ слѣдующихъ операхъ: «Фаустъ», «Князь Игорь», «Жизнь за царя» и «Ледяной домъ».

— Дмитрій Самозванецъ пойдетъ въ Александринскомъ театрѣ, при слѣдующемъ распредѣленіи ролей: Дмитрій Самозванецъ—Аполлонскій, Самойловъ и Юрьевъ; Шуйскій—Осокинъ, Ленскій; Царица Марфа—Дюжикова 1; Марина Мни-

И. А. Мельниковъ.

(Къ 35-лѣтію сценической дѣятельности).

шекъ—Стравинская; Камеристка—Масальская; Юрій Мнишекъ—Долиновъ; Дмитрій Шуйскій—Никольскій; Басма—Петровъ; Бѣльскій—Ге; Мстиславскій—Черновъ; Голицынь—Новинскій; Татишевъ—Арбенинъ; Щелкановъ—Медвѣдевъ; Рубецъ—Мстиславскій—Панинъ 1; Бучинскій—Озаровскій; Маардгеретъ—Поморцевъ; Скопинъ—Шуйскій—Горѣловъ; Калачникъ—Каширинъ; Коневъ—Глазуновъ; Кореша—Шаповаленко; Куцька—Санинъ; Савицкій—Ремизовъ; Авоня—Бронева; 1-й Куп. Московскій—Тропольскій; 2-й—Брагинъ; Подъячій—Усачевъ; 1-й крестьянинъ—Израилевъ; 2-й—Щепкинъ, 3-й—Крюковъ, Купецъ Новгородскій—Гарлинъ, Десятскій—Шейнъ, Мелочной Торговецъ—Невѣровъ, Странникъ—Пантелѣевъ, Дворецкій—Локтевъ и Баба—Чижевская.

* * *

Московскія вѣсти.

— Одинъ изъ послѣднихъ оперныхъ спектаклей въ частной оперѣ въ Москвѣ сопровождался инцидентомъ, къ счастью, окончившимся благополучно. Во время исполненія г-жей Поляковой—Татьяной сцены съ письмомъ, кто-то изъ публики верхнихъ ярусовъ почувствовалъ запахъ гари, произнесъ—«пожаръ». Публика, какъ одинъ человекъ, вскопчила съ своихъ мѣстъ и бросилась къ выходу. Поднялась обычная въ такихъ случаяхъ суматоха... М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, выбѣжавшій на сцену режиссеръ и декораторъ сталъ увѣщевать публику, чтобы она успокоилась и что никакого пожара нѣтъ, и переполохъ—результатъ недоразумѣнія. Вскорѣ все кончилось къ общему удовольствію, публика возвратилась въ залъ, и спектакль пошелъ своимъ порядкомъ.

— Въ Новомъ театрѣ былъ возобновленъ «Старый закалѣ». По словамъ газетъ, пѣса имѣла большой успѣхъ. Выдѣлялись: г-жа Яблочкина-Олтина, гг. Падаринъ-Олтинъ, Айдаровъ Брискъ, Остужевъ-Чарускій, и Ильинскій-Бѣлоборской.

— Г. Форкатти судомъ взыскиваетъ съ тенора Южина 2000 руб. неустойки за нарушеніе контракта во время лѣтнихъ гастролей въ Кисловодскѣ.

— На мѣсто г. Строева, помощника А. П. Ленскаго по постановкѣ спектаклей въ Новомъ театрѣ, получившаго 2-хъ мѣсячный отпускъ, назначенъ артистъ Н. В. Пановъ.

— 20 сентября въ театрѣ Корша была впервые поставлена «Мамуся». Отзывы газетъ о пѣсѣ неопредѣленные. Скорѣе—неодобрительные. Всѣ упрекаютъ пѣсу за то, что «и идея пѣсы, и ея разработка не новы». Указываютъ на сходство съ «Дѣтьми Ванюшина», хотя пѣса была написана раньше.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Давненько не приходилось мнѣ быть въ московскомъ Большомъ театрѣ и признаюсь не безъ нѣкотораго пріятнаго волненія открывалъ я двери въ тотъ храмъ искусства, въ которомъ въ дни юности пришлось видѣть столько хорошаго, столько по истинѣ художественной красоты! Давали любимую и прежде оперу «Гугеноты», ради которой бывало приходилось простоять цѣлые часы у кассы театра, чтобы заполучить билетикъ въ царство небесное. Но tempoга mutavit... Зрительный залъ на этотъ разъ поразилъ меня своей пустотой, особенно это удивило потому что въ сосѣдней частной оперѣ всѣ билеты оказались проданными на «Фауста». Недолго, однако, пришлось быть въ недоумѣніи. Явился оркестръ, сѣлъ дирижеръ (какой-то мало извѣстный въ музыкальномъ мірѣ г. Фельдтъ), поднялся занавѣсъ и дѣло стало яснымъ. Очень даже ясно стало, почему публика переполняетъ залъ частной оперы и отсутствуетъ въ образцовомъ театрѣ. Начиная съ оркестра, который повидимому говорилъ въ этотъ вечеръ на разныхъ языкахъ между собой и со своимъ дирижеромъ и кончая послѣдними статистами, безпомощно съ недоумѣніемъ вертѣвшимися около кулисъ, очевидно, не понимая зачѣмъ они находятся на сценѣ, на всемъ лежала печать казеннаго отношенія къ дѣлу. Временами казалось, что всѣ дѣйствующія лица въ первый разъ сошлись на сценѣ для того, чтобы исполнять навязанную имъ всѣмъ тяжелую обязанность и къ тому же совершенно ихъ не интересующую. Дирижеръ оперы, очевидно, плохо знакомый съ партитурой оставилъ въ покоѣ артистовъ и оркестръ, методически отмѣривая указанная авторомъ дѣленія, не заботясь о томъ, слѣдуетъ ли кто либо за нимъ или нѣтъ. Артисты оркестра, предоставленные самимъ себѣ, играли спустя рукава: струнные—все время серединой смычка, а духовые или вовсе не вступали, иногда же, соскучившись долгимъ бездѣйствіемъ, гремѣли такъ, что даже полусонные статисты, обернувшись, ухмылялись. Объ ансамблѣ на сценѣ говорить не приходится. Его не было. Очевидно, должность режиссера въ Большомъ театрѣ упрощена. Хоръ, довольно многочисленный по составу, былъ плохо слышенъ отчасти потому, что мѣдъ усердствовала, отчасти потому, что половина хора временами совсѣмъ не играла. Знаменитый «кратеплантъ» былъ всего вѣрнѣе похожъ на лай.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей можно отмѣтить только г. Донскаго, у котораго приличное forte, неважное piano и отсутствіе игры. Кстати г. Домбре, сопровождавшій на воль-

даму первую арію Рауля, повидимому плохо знаетъ акустическія свойства своего инструмента, и его игра напоминала какую хотите виолу, только не «любовную». Г. Трезвинскій добросовѣстно старался изобразить Марсея; ему только мѣшалъ голосъ, хотя сильный, но безъ школы, точь въ точь соборный протоиерей заходустной епархіи. Другіе исполнители ходили много, жестикулировали тоже много, но впечатлѣнія отъ ихъ пѣнія не было. Изъ женскаго персонала очень недурна была г-жа Данильченко (пажъ), порядочно—г-жа Маркова (Валентина) и совсѣмъ плохо г-жа Цыбущенко (королева). Къ неуклюжей колоратурѣ у нея присоединилось полное незнаніе изображаемаго типа; вмѣсто королевы, передъ нами была довольно развязная пейзажница. Если прибавить ко всему сказанному, что хористки кулаками побили вооруженныхъ съ ногъ до головы гугенотовъ въ то время, когда тѣ, обнаживъ мечи, никакъ не могли найти мѣста, по которому слѣдовало бы ударить бѣдовыхъ парижанокъ; то получится полная картина того хаоса, который подъ именемъ опернаго спектакля шелъ въ Большомъ театрѣ 10 сентября.

А.

* * *

Новый театр. Послѣднее произведеніе Метерлинка—талантливѣйшая исторія женской души. Исторія безъ историческихъ фактовъ и хронологическихъ датъ, по все же исторія. Геронни произведенія воплотила въ себѣ черты женщинъ пѣлаго рѣда поколѣній и эпохъ; женщинъ, которые вдохновляли поэтовъ и художниковъ разныхъ странъ и вѣковъ; женщинъ, которыхъ повѣсть души всѣмъ такъ близка и такъ понятна. Монна Ванна—это какъ бы фокусъ, въ которомъ собрано воедино все, что когда-либо волновало отзывчивое женское сердце и шевелилось въ хорошенькой женской головкѣ.

Прослѣдите, въ самомъ дѣлѣ, исторію Монны Ванны. Сначала это только изящный, граціозный, красивый ребенокъ. Читатель ее такой не знаетъ, но такъ ее рисуетъ Принцивалле, котораго она тогда любила за то, что онъ смотрѣлъ на нее, «какъ на королеву». Позднѣе—ребенокъ превратился въ красавицу-дѣвушку, которая, какъ истинная дочь эпохи Ренессанса, эпохи всеобщаго культа красоты, не чуждалась «безумныхъ мечтаній». Она мечтала о «любви на всю жизнь», о любви, которая «ни передъ чѣмъ не остановится». Она, по ея же призванію, «шоуляла всѣ дни ожиданію такого счастья, котораго никто еще не зналъ». Но обстоятельства такъ сложились, что Ванна должна была отречься отъ «безумныхъ мечтаній» и выйти за Гвидо, который сдѣлалъ ее счастливой, счастливой на столько, «на сколько можетъ быть счастливъ человекъ, который отрелся отъ безумныхъ мечтаній». По ея словамъ, она «полюбила Гвидо любовью менѣе странной», чѣмъ любовь Принцивалле, но зато «болѣе ровной, болѣе вѣрной и твердой». Тѣмъ не менѣе «странная» любовь Принцивалле Ваннѣ болѣе понятна, и когда она слушаетъ Принцивалле, то ей кажется, что на его мѣстѣ она поступила бы «точно также» и любила бы такъ-же какъ онъ. Иногда ей даже кажется, что «онъ ее слушаетъ, а она говоритъ все то», что говоритъ онъ. И она, значитъ, мечтала о «странной любви». За «ровную любовь» къ Гвидо она приняла ту благодарность, которую она чувствуетъ по отношенію «этого вальнаго тосканца, окружившаго ее обожаніемъ и счастьемъ, какъ королеву». Удивительное совпаденіе: дѣвочкой она полюбила Джанэлло за то, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на королеву, теперь она будто бы любитъ Гвидо за то, что онъ окружилъ ее почетомъ, какъ королеву. Въ обоихъ случаяхъ мотивъ для любви не чуждъ элемента тщеславія, и это вѣчная исторія «сердца женщины». Но то, что Ванна, чувствовавшая себя «королевой», приняла за любовь къ Гвидо—только призракъ любви. Она не исключаетъ мужа изъ всѣхъ тѣхъ, въ глазахъ которыхъ она видитъ одно «желаніе», которое ее «отталкиваетъ и пугаетъ». Между тѣмъ Принцивалле Ванна говоритъ: «И въ твоихъ глазахъ также есть желаніе, но это не то же самое; оно не отталкиваетъ, не пугаетъ»...

До сихъ поръ въ образѣ Джіованни передъ нами рисовалась, только одна сторона «вѣчно-женскаго», хотя и наиболѣе общая. Но вотъ наступаетъ моментъ, когда Ванна чувствуетъ обновленіе, когда ей представляется возможность спасти тысячи людей, умирающихъ голодною смертью. Тогда она смѣло идетъ на позоръ, спасающій тысячи. Это уже не прежняя мечтательница, не хрупкое созданіе, не куклолка, которой ничего не надо, кромѣ званія «королевы» своего домашняго королевства,—это женщина смѣлая, энергичная, почувствовавшая въ себѣ силу римлянки, очень похожая на тѣхъ женщинъ, которыхъ въ такомъ множествѣ создаютъ эпохи «Sturm und Drang'a»,—женщинъ подвига и подвижничества.

Живи Ванна во время французской революціи и будь подлѣ нея не античная фигура Марко, а увлекательный Руссо,—изъ нея вышла бы фигура, для которой мы бы нашли точное историческое имя...

Третья стадія въ развитіи характера Ванны показана въ послѣднемъ актѣ пьесы. Гвидо не повѣрилъ ей клятвамъ, и этого достаточно, чтобы „ровная любовь“ превратилась почти въ ненависть. Недовѣріе, оскорбившее Ванну, открыло ей глаза: она теперь сознаетъ, что встрѣтилась человѣкъ, котораго она полюбила настоящей, т. е. „странной любовью“, необходимой для ея счастья. Теперь это женщина,—освобожденная отъ власти усыпляющихъ будней, любящая, полная ненависти, торжествующая. Прежде „былъ страшный сонъ“, а теперь для Ванны наступаетъ „чудный сонъ“, и она зажигается настоящей жизнью...

Говорятъ, что истинный герой произведенія Метерлика—величавый старикъ Марко. Если на пьесу смотрѣть, какъ на сплошной гимнъ жизни, а не какъ на поэтическую исторію женскаго сердца, то и тогда Марко является лишь

актъ написанный, главнымъ образомъ, для Принцивалле, значительно передѣланъ въ пользу монолога въ Джіованни, которую, попятно, изображала г-жа Яворская. Самое же главное, переводъ пьесы Метерлинка сдѣланъ г-жей Щепкиной такими же трескучими стихами, какъ и переводы произведеній Ростана, этого барабанщика французскаго романтизма. Что терпимо при передачѣ красиваго, хотя и холоднаго, фразерства Ростана, то совсѣмъ не уместно при переводѣ такого таинственнаго поэта, какъ Метерлинтъ.

Исполненіе... Но оно почти граничило съ безуміемъ. Г-жа Яворская „превозмогла себя“. Что она сдѣлала изъ цѣломудренно прекрасной, изящной и нѣжной Ванны, очи которой, по образному выраженію Гвидо, „проливаютъ цѣлое озеро—свѣта и любви“! Что она сдѣлала! Какой океанъ пошлой, бессмысленной, чудовищной мелодрамы

—*W* НОВЫЙ ТЕАТРЪ. *W*—

Марко (г. Семеновъ-Самарскій).

Гвидо (г. Баратовъ).

«Монна Ванна» Метерлинка. I актъ.

Рис. М. Гоффе.

резонеромъ пьесы, ея философией. Несмотря на то, что съ Ванной онъ говорилъ всего „три-четыре раза“, онъ знаетъ ее такъ же хорошо, какъ себя, потому что оба они истинныя дѣти. Возрожденія Марко излагаетъ то, что Ванна совершаетъ. Это—хоръ трагедіи Ренессанса.

Я не передаю подробнаго содержанія пьесы. Съ нимъ читатели могли ознакомиться изъ статьи г. Варнеке „Раскалывшійся символистъ“, напечатанной въ одномъ изъ прошлыхъ номеровъ. Скажу только, что это интереснѣйшее по красотѣ и поэзіи произведеніе. Но, разумеется, я говорю не о той „Моннѣ Джіованнѣ“, которая шла на сценѣ Новаго театра, потому что въ Новомъ театрѣ передѣлывать, дощипывать и „исправлять“ всѣ произведенія, идущія на сценѣ этого театра, стало обыкновеніемъ. Не постыжались съ Толстымъ, не поперемонились и съ Метерлинкомъ.

Присяжная рѣмонлетца-переводчица, г-жи Яворской—г-жа Щепкина-Куперникъ обезличила, извратила и обезцвѣтила своимъ переводомъ пьесу, и поэтический колоритъ, придающій произведенію такую прелесть, совершенно исчезъ. Къ пьесѣ присочинили недѣльный финалъ, а второй

продлить былъ ею! Стараясь, во что бы то ни стало, найти въ Ваннѣ чувственную сторону, она добилась въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ: Ванна г-жи Яворской, отъ начала до конца и по манерамъ, и по костюму, и по тону смахивала на средневѣковую куртизанку. Отличаясь, вообще, нелогическимъ чтеніемъ, г-жа Яворская на этотъ разъ доходила до Геркулесовыхъ столбовъ: неистовствовала тамъ, гдѣ по самому смыслу полагался шопотъ, и наоборотъ, говорила вполголоса тамъ, гдѣ нужна была громкая рѣчь.

Г. Баратовъ въ роли Гвидо, при всемъ недостаткѣ темперамента, все же производитъ сравнительно благопріятное впечатлѣніе. Онъ не извратилъ образа и читалъ со смысломъ, и въ общемъ былъ приличенъ. Г. Архановъ (Принцивалле) страдаетъ неясностью дикціи и грузностью тона. По всѣмъ признакамъ можно предположить, что онъ будетъ болѣе на мѣстѣ въ бытовыхъ роляхъ. Г. Семеновъ-Самарскій былъ не совсѣмъ тотъ величавый, словно выхваченный изъ античнаго міра старикъ Марко, восхваляющій восторженныя гимны красотѣ и жизни, который рисуется при чтеніи произведенія Метерлинка, но все же

читалъ артистъ красиво и не безъ увлеченія, что особенно сказалося въ III актѣ. Въ немъ не было философа, конечно, но былъ „благородный отецъ“. И на томъ спасибо.

Обставлена пьеса хорошо, особенно III актъ, въ которомъ очень красиво и живо проходятъ народныя сцены.

Вл. Лисинскій.

* * *

Василеостровскій театръ. Н. А. Поповъ, котораго Василеостровское Общество народныхъ развлеченій пригласило режиссеромъ, дебютировалъ въ качествѣ такового «Зимней сказкой» Шекспира, поставленной 25 сентября для открытія сезона. Официальному открытію предшествовало генеральная репетиція, на которую были приглашены многіе «представители литературнаго и артистическаго міра».

Судя по разговорамъ и газетнымъ отзывамъ, спектакль «представителямъ» понравился, причеиъ г. Поповъ былъ названъ въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ, появившихся сейчасъ послѣ генеральной репетиціи, «ученикомъ Станиславскаго», между тѣмъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, г. Станиславскій преподавателемъ режиссерскаго искусства нигдѣ не состоитъ. Что касается г. Попова, то онъ дѣйствительно былъ одно время помощникомъ г. Станиславскаго. Во всякомъ случаѣ, г. Поповъ,

«Монна Ванна». (Прическа).

какъ и всякій человекъ, долженъ быть судимъ «по дѣламъ его», а не по случайной кличкѣ «ученика Станиславскаго», которою его окрестили.

«Зимняя сказка» поставлена старательно. Въ режиссерскомъ отношеніи есть и нововведеніе, заимствованное у мюнхенцевъ: глубина сцены нѣсколько повышена и между нею и авансеной имѣется занавѣсъ. Когда его спускаютъ, то можно играть на авансценѣ, перемежая въ это время въ глубинѣ декорацию, и такимъ образомъ продолжать дѣйствіе непрерывно. Это очень удобно для пьесъ съ большимъ числомъ картинъ. Костюмы, свѣжи. Аксессуары, декорации — хороши. Исполненіе молодой труппой — вдумчивое и оживленное. Я хотѣлъ-бы употребить въ похвалу молодымъ артистамъ, какъ характеристику ихъ игры, опредѣленіе «довѣрчивая» игра. Это требуетъ поясненія. Часто бываетъ, что присутствуешь на спектаклѣ, гдѣ играютъ превосходные артисты и исполняется прекрасная пьеса, а между тѣмъ смертельно скучаешь. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорятъ «вялое исполненіе». На самомъ же дѣлѣ скучно потому, что исполнители «не вѣрятъ» словамъ автора, не вѣрятъ, что они на самомъ дѣлѣ тѣ, кого они изображаютъ, не вѣрятъ въ успѣхъ спектакля и въ интересъ къ нему зрительной залы.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе выносишь отъ исполненія молодой труппы, которую составилъ г. Поповъ. Едва ли единственный такъ называемый «опытный актеръ» — это г. Алашеевскій, который, быть можетъ, менѣе другихъ удивлялъ насъ. Женскій персоналъ, особенно г-жи Сумбатова и Ведринская, былъ очень недуренъ. Приятно впечатлѣніе оставилъ г. Неволинъ, въ роли лирическаго любовника. Не останавливаясь въ отдѣльности на исполнителяхъ скажемъ, что спектакль, не смотря на нѣкоторую архаичность самой «сказки», могъ доставить удовольствіе образованному зрителю. Насколько такой репертуаръ удовлетворитъ «народъ» — не знаемъ.

С. С.

* * *

Народный домъ сдѣлалъ хорошее пріобрѣтеніе, пригласивъ въ свою оперную труппу извѣстнаго на югѣ баса г-на Сангурскаго. Артистъ выступилъ съ большимъ успѣхомъ въ роляхъ Дона Базилью («Севильскій Цирюльникъ») и Фарлафа («Русланъ и Людмила»), обнаруживъ мощный голосъ, хорошую школу и большую опытность. Желательно и дальнѣйшее обновленіе труппы въ томъ же направленіи.

М. П — ии.

* * *

Съ осени въ Петербургѣ открыта новая мастерская декоративной живописи художника К. В. Изенберга завѣдывавшаго въ прошломъ году въ Новомъ театрѣ декоративною частью. Въ виду недостатка декоративныхъ мастерскихъ, вообще, надо полагать, что даровитый художникъ не будетъ имѣть причинъ жаловаться на отсутствіе заказовъ. Какъ мы слышали, К. В. Изенбергъ работаетъ въ настоящее время для двухъ большихъ провинціальныхъ театровъ.

* * *

Ново-Адмиралтейскій театръ. Въ воскресенье, 22 сентября, «Ревизоромъ» открылся сезонъ въ Ново-Адмиралтейскомъ театрѣ. Исполненіе было очень гладкое. Г. Маклаковъ-Ржевскій недурно изображалъ Хлестакова. Роль у него незакончена въ смыслѣ отдѣлки, но тонъ намѣченъ вѣрный, и владѣть онъ имъ достаточно твердо, діалогъ у артиста легкій, мѣстами нелишенный изящества. Неудачно только ведется сцена опьяненія, для которой исполнитель, повидимому, еще недостаточно опытенъ. Есть данныя для исполненія городничаго и у г. Волинскаго, обладающаго извѣстнымъ юморомъ; къ сожалѣнію, у него было не мало досадныхъ оговорокъ.

Очень мила г-жа Вехтеръ въ роли Марьи Антоновны. Это, повидимому, способная ingénue, хотя отъ ея исполненія чуть-чуть вѣетъ холодкомъ. Впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь, ибо по одной роли судить окончательно трудно. Хотѣлось бы слышать побольше разнообразія въ интонаціяхъ г-жи Красовской, изображавшей Анну Андреевну. Г. Камскій (Осипъ) только читалъ роль, но читалъ правильно. И то слава Богу.

Чувствовались нѣкоторые режиссерскіе недосмотры, что нѣсколько странно, такъ какъ г. Вехтеръ режиссеръ старый и опытный. Въ декоративномъ отношеніи спектакль обставленъ скромно, но большаго нельзя было и требовать, принимая во вниманіе средства театра. Впрочемъ, и при такой обстановкѣ спектакль имѣлъ успѣхъ у публики, значительный контингентъ которой составляютъ рабочіе. Исполнителямъ очень много аплодировали.

В. Л — ии.

* * *

Бывшая воспитанница С.-Петербургской консерваторіи пианистка Е. И. Ячиновская, нынѣ профессоръ варшавской консерваторіи, предпринимаетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ концертное турнѣ по Россіи. Въ Петербургѣ она намѣрена дать два концерта. Г-жа Ячиновская считается одною изъ лучшихъ ученицъ покойнаго А. Рубинштейна.

23 и 30 октября состоятся 2 концерта извѣстнаго пианиста Юсифа Сливинскаго.

* * *

Намъ пишутъ изъ Кіева. Въ театрѣ «Соловцовъ» до настоящаго времени прошли пьесы: «Ревизоръ», «Ничіе духомъ» (выходъ А. В. Дарьялъ), «Каширская старина» (выходъ С. Т. Строевой-Сокольской, Н. А. Борисовскаго, М. Н. Строителя), «Цѣна жизни», «Заза» (выходъ И. Ф. Булатова), «Идіотъ», «Коварство и любовь», «Медея», «Дѣти Ванюшина», «Чужіе», «Денежные тузы», «Мертвый сильнѣе живого». Изъ новинокъ пока шли комедія Дармана «Холостая семья», пьеса В. А. Лихачева «Мамуся» (первый выходъ М. М. Глѣбовой) и водевилъ А. П. Чехова «Свадьба». Пользуются успѣхомъ А. В. Дарьялъ, М. Т. Строева-Сокольская, С. В. Александрова (сестра арт. Импер. театровъ Л. В. Селивановой), Е. Н. Трубецкая, И. Ф. Булатовъ способный актеръ, на роли холодныхъ резонеровъ и фатовъ. Объ инцидентѣ г. Скуратова читателямъ уже извѣстно. Кромѣ г. Скуратова, и г. Вагровъ «потребовалъ» не упомянуть его имени въ газетѣ «Кіевлянинъ». Придется пожалуй писать театральныя рецензіи безъ фамилій.

Въ городскомъ театрѣ репертуаръ избитый: «Аида», «Гугеноты», «Евгеній Онѣгинъ», «Демонъ». Возобновили «Свѣгурочку», «Дубровскаго», «Самсонъ и Далилу». Пользуются успѣхомъ г-жи Брунъ, Бронская, Шульгина и г. Секарь-Рожанскій, Камюнскій, Эрнстъ, Борисенко, Петровъ. Басовъ хорошихъ нѣтъ. Публики бываетъ много. Бородай взялъ почти всѣ театры въ свои руки. Такъ — ему принадлежатъ уже: «Народный домъ» на Троицкой площади, «Народный домъ» на Лукьяновскій, «Общедоступный театръ» въ Контрактовомъ домѣ (на Подолѣ) и театръ «Коммерческаго Собранія». Въ общемъ г. Бородай завладѣлъ въ Кіевѣ пятью театрами!

Сообщаю составъ труппы для «Народныхъ домовъ».

Женскій персоналъ: г-жи Свободина-Барышева, Кварталова, Рахманова, Шаровьева, Голодкова, Дроздова, Гарина, Барканова, Крестовская, Облонская, Пальмина, Рудина, Сибирякова, Тольская, Оедорова, Черкасова, Жданова, Евгеньева. Мужской персоналъ: гг. Яковлевъ-Востоковъ, Петровъ-Краевскій, Людвиговъ, Гаринъ, Череповъ-Орловскій, Нерадовскій, Нелидовъ, Марковскій, Гелике, Гойда-Огиевскій, Муромцевъ, Лебедевъ, Кедринъ, Петипа, Колесовъ, Покровскій, Комаровъ, Григорьевъ. Главный режиссеръ А. К. Людвиговъ, 2-ой режиссеръ А. И. Стѣнницкій. Суфлеры Ивасенко и Новиковъ. До окончанія постройки „народныхъ домовъ“ спектакли труппы М. М. Бородаев временно будутъ даваться (три раза въ недѣлю) въ залѣ Контрактоваго дома (на Подолѣ). Для открытiя спектаклей 22 сентября шелъ „Ревизоръ“, въ которомъ играли: городничиху—г-жа Островская, дочь—г-жа Кварталова, Пошлепку—г-жа Шаровьева, городничяго—г. Яковлевъ-Востоковъ, Хлестакова—Нерадовскій, Осипа—г. Гаринъ. Далѣе шли: 24-го сентября „Въ старые годы“, 26-го „Честь“, 27

«Нише духомъ», съ г-жею Огинской; «Цѣпи» съ г-жею Медвѣдовой въ роли Волынцевой и «Джентльменъ съ г. Медвѣдевымъ въ заглавной роли.

— Г. Соболюшковъ-Самаринъ снялъ лѣтній театръ на весь будущій сезонъ.

Владивостокъ. Намъ доставленъ отчетъ за лѣтній сезонъ во Владивостокѣ. Антреприза А. А. Иванова. Сезонъ съ 15 апрѣля по 16 августа. Составъ и бюджетъ труппы, составленный уполномоченнымъ отъ А. Иванова С. А. Добротини въ Бюро Русскаго Театральнаго Общества слѣдующій: Н. А. Смирнова (350 р. и 1 бен.), В. П. Варина (350 р. и 1 бен.), М. Н. Марина (250 р. и 1 бен.), С. Э. Сѣверсъ (съ 15 мая 250 р.), Е. В. Павловская (200 р. и 1 бен.), М. И. Елагина (175 р. и 1 бен.), О. Н. Ржевская (150 р. и 1 бен.), Е. П. Никольская (съ 11 июня 150 р.), Рошина (115 р.), Карамзина (Калинкина) (100 р.), Буйнова (75 р.), Жуковская (50 р.), А. В. Степановъ (350 р. и 1 бен.), Г. И. Вестеръ (350 р. и 1 бен.), А. Г. Аяровъ (300 р. и 1 бен.), И. М. Арнольдъ (300 р. и 2 бен.), А. М. Хмельницкій (225 р. и 1 бен.), Н. В.

НАРОДНЫЙ ДОМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

«Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», драмат. хрон. А. Н. Островскаго.

(2-я картина: «Кремль».)

сентября на сценѣ городского театра та же труппа исп. комедию „Горе отъ ума“.

Сезонъ въ „Железнодорожномъ“ театрѣ открылся 30 августа „Чародѣйкой“, затѣмъ шли: „Откуда сыръ боръ загорѣлся“, „Майорша“, „Измаилъ“ (2 раза) и др. Дѣла прекрасныя. Въ декоративномъ отношеніи пьесы обставляются хорошо. Костюмная часть также недурна. Въ театрѣ „Бергонье“ съ 25 сентября гастролируетъ трансформистъ Бернарди, съ 19 октября играетъ труппа Суходольскаго, а съ 20 декабря по Великій постъ оперетка С. Н. Новикова.

Г—з.

24 сентября въ Выборгскомъ городскомъ театрѣ были даны: «Мѣщане» М. Горькаго. Партеръ и два яруса ложъ были переполнены русскими военными и представителями финской интеллигенціи. Выдѣлялись, судя по вызовамъ за отдѣльныя сцены: г-жи Раевичъ, Казбичъ, гг. Левашевъ и Рязанцевъ.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Астрахань. Сезонъ открылся 21 сентября «Педагогами». Въ главныхъ роляхъ выступали: гг. Тугановъ (Флеммингъ), Даниловъ (Флакманъ), Вязовскій (Прелль) и г-жа Пшесецкая. Дальнѣйшій репертуаръ: «Извозчикъ Геншель», съ г. Смирновымъ въ роли Геншеля и г-жею Пшесецкой въ роли Ганны;

Жуковскій (200 р. и 1 бен.), А. Е. Буйновъ (175 р. и 1 бен.), М. Ф. Лепской-Самборскій (150 р.), Г. Н. Дубенскій (150 р.), С. Я. Дубровинъ (суфл.) (150 р.), Л. Ю. Фуссъ (125 р.), А. И. Вольской (175 р.), Н. Н. Ростовецъ (съ 25 мая по 17 іюля), Рыбакъ (40 р.), Боленко (40 р.). Мѣсячный бюджетъ труппы 5020 р. Итого дано 119 спектаклей во Владивостокѣ и 3 въ Никольскѣ. На кругъ взято 530 руб. Изъ 122 спектаклей поставлено только 31 спектакль фарса, несмотря на то, что труппа была приглашена для постановки фарсовъ преимущественно. Самый малый сборъ (57 р.) дали «Педагоги». Театръ вмѣщаетъ по обыкновеннымъ цѣнамъ 1100 руб. Взято за сезонъ 81354 руб. Къ слѣдующему сезону будетъ готовъ новый театръ Г. Васильева, готовящійся конкурировать дешевизной цѣнъ. Претенденткой на этотъ театръ является пока М. Н. Нинина-Петипа.

Вильна. Со дня открытiя труппой П. П. Струйскаго были поставлены: «Соколы и вороны», «Чародѣйка», «Безъ вина виноватые», «Любовь и предразсудокъ», «Уриель Акоста», «Заза».

Екатеринославъ. Представителя новой антрепризы И. И. Викторина-Берченко мѣстныхъ газеты обвинили въ національной нетерпимости по отношенію служащихъ въ театрѣ. Г. Берченко будто бы разогналъ всѣхъ служащихъ въ театрѣ только потому, что они евреи. Г. Берченко письмомъ въ редакцію опровергаетъ заводимое на него обвиненіе.

Елецъ. Городской театр. Антреприза С. А. Катарскаго.

Составъ труппы: г-жи Е. Е. Астахова, К. П. Новицкая, В. А. Ланина, А. Д. Неметти, А. В. Сельская, З. Е. Евгеньева, А. И. Подгорская, А. П. Лѣсновская, П. И. Аркадьева, А. И. Новская, г-г. С. А. Катарский, П. И. Чердынинъ, С. И. Шатовъ, Ф. А. Томкевичъ, А. В. Васильевъ, В. И. Масловъ, Л. Н. Никитинъ, Н. А. Аркадьевъ, П. И. Николаевъ. Режиссеръ г. Катарский. Пом. режиссера г. Аркадьевъ. Суфлеръ г. Лаухинъ.

Елизаветполь. Начались спектакли труппы малороссовъ, подъ управленіемъ Кармелюкъ-Каменскаго.

Житомиръ. Труппа В. А. Перовскаго начинаетъ сезонъ съ 29 сентября. Пойдетъ «Блестящая партія».

Казань. Вводимая нормальнымъ контрактомъ мѣра о платѣ въ пользу Театрального Общества артистовъ, участвующихъ въ благотворительныхъ концертахъ уже осуществлена по инициативѣ режиссера, г. Боголюбова. Всѣмъ артистамъ разосланъ слѣдующій циркуляръ: «Довожу до свѣдѣнія гг. артистовъ оперы, что участіе въ благотворительныхъ и частныхъ концертахъ и вечерахъ разрѣшается, согласно, постановленія 2-го Всероссийскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей, не иначе, какъ съ отчисленіемъ пятидесяти руб. (50) съ каждаго участвующаго въ пользу благотворительныхъ учреждений Русскаго Театрального Общества, въ фондъ «на воспитаніе бѣдныхъ сиротъ сценическихъ дѣятелей». Въ видѣ исключенія разрѣшается участвовать бесплатно гг. артистамъ только въ двухъ ежегодныхъ благотворительныхъ вечерахъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Казани».

Минскъ. Труппа г. Ковалевскаго начала сезонъ «Дѣтми Ванюшина». «Минск. Л.» оканчиваетъ рецензію словами: «Готовятся къ постановкѣ въ гор. театрѣ, между прочимъ, «Два Мира» Макса Нордау (?) и «На распутьи» Баскина. Мы сочли долгомъ отмѣтить эти двѣ пьесы въ интересахъ нагляднаго отчасти ознакомленія читающей публики со взглядами нынѣшней антрепризы театра, которой безъ всякаго основанія приписываются совершенно иного рода направленія. Слухи эти нелѣпы, и репертуаръ, да наконецъ нѣкоторые(?) персонажи труппы (?) служатъ лучшимъ доказательствомъ чисто-космополитическаго (!) направленія антрепренера г. Ковалевскаго».

Курскъ. Въ городскомъ зимнемъ театрѣ съ 15 сего сентября начались спектакли драматической труппы подъ управленіемъ И. В. Погуляева (князя Мамлѣева). Въ составъ многочисленной труппы вошли: женскій персоналъ: г-жи Генбачева и А. В. Колосова (героини), С. Г. Антонели (эпж. драм.), Д. В. Галицкая (гр.-дамъ), М. И. Витвицкая (эпж. комикъ), А. Н. Серебрякова (ком. старуха), З. А. Янская (эпж. драматик.), А. В. Бровцева (водев.), Л. М. Трединская (бытов.), Н. П. Ранчева и К. Е. Волкова; мужской персоналъ: С. П. Аксеновъ (герой резонеръ), И. В. Погуляевъ (гер. резон. и салон. роли), Н. Б. Табенскій и И. Щеголевъ (любовники), Г. К. Максимовичъ и И. В. Поликарповъ (комики), В. Н. Сацеллари (лирич. любовникъ), П. Ф. Богдановичъ (простакъ), И. Н. Дмитриевъ, П. Н. Степановъ, П. А. Юматовъ, А. А. Сергѣевъ и другіе. Репертуаръ труппы: драмы и комедіи выдающихся современныхъ авторовъ. Разъ въ недѣлю труппа будетъ ставить общедоступные спектакли.

Одесса. Какъ сообщаютъ «Од. Нов.», коммисія профессоровъ, присуждающая премію И. Г. Вучины, пришла къ заключенію, что изъ представленныхъ въ послѣднее время пьесъ: «Свобода духа», «Грѣхъ», «Современныя понятія», «Въ поискахъ за счастьемъ», «Великая скорбь», «Іоаннъ III» и «Въ деревнѣ»—всѣ, за исключеніемъ послѣдней пьесы, либо обнаруживаютъ весьма малое знакомство авторовъ съ приемами литературнаго изложенія и даже съ русскою грамотой (пьеса «Въ поискахъ за счастьемъ»), либо представляютъ собой крайне безцвѣтныя, безотраднo ординарныя произведенія. Автору пьесы «Въ деревнѣ» присуждена малая премія въ половинномъ размѣрѣ.

Орель. Сезонъ открылся ком. Сумбатова «Листья шелестятъ».

Рига. Послѣ «Снѣгурочки» труппой А. И. Незлобина были разыграны: «Идіотъ», «Дѣти Ванюшина», «Джентельменъ», «Мамуся», «Три сестры» и «Вторая жена».

— Идутъ репетиціи «Мѣшанъ» М. Горькаго, постановка которыхъ предполагается 2-го октября. Но послѣдуетъ ли разрѣшеніе—еще неизвѣстно.

Ростовъ на Д. Въ Ростовъ прѣзжаетъ членъ совѣта министерства финансовъ г. Шумахеръ. Прѣздъ его имѣетъ цѣлью ознакомленія съ дѣятельностью мѣстнаго комитета попечительства о народной трезвости.

Самара. 20 сентября «Идіотомъ» открылся сезонъ въ городскомъ театрѣ. «Сам. Газ.», между прочимъ, говоритъ: «То, что мы видѣли въ первый спектакль, даетъ всѣ надежды на интересный театралный сезонъ. Отдѣльныя силы труппы подобраны, повидимому, чрезвычайно удачно. Изъ общаго, очень ровнаго исполненія выдѣлились: г-жа Журавлева (Настасья Филипповна), видимо, очень опытная артистка, вполне владеющая своимъ талантомъ, г. Діевскій (князь Мышкинъ), удачно выдѣлившій тихую незлобивость князя, покоряющую ему всѣ сердца, г. Кіенскій (Рогожинъ), повидимому, выдающийся артистъ на сильно драматическія бытовья роли и Вер-

бинъ (Өердыщенко)». Послѣдующими спектаклями шли: «Горькая судьбина» Писемскаго, «Цѣна жизни», «Безприданница», «Волки и овцы», «Дѣти Ванюшина» и «Три сестры».

Тамбовъ. Зимній театр на предстоящій сезонъ снятъ М. К. Шумилинымъ и Г. Г. Леоновымъ. Составъ труппы: г-жи Савостьянова (героиня), Золотарева (ing. dram.), Бронина, Мельникова (ing. com.) Раевская (водевильная съ пѣніемъ), Арцимовичъ (ing.), Никольская (gr. dam.) и характерныя, Орлова (ком. стар.), Крашевская (субретка), Пугинцева и Васильева; г-г. Матѣевъ (герой), Долинъ (j. premier), Лаптєвъ (комикъ-резонеръ) Леоновъ (характерный) Путинцевъ (ком. буффъ), Инсаровъ и Разумовъ (фатъ-резонеръ) Кастровскій (простакъ и характер.), Дубравинъ, Званцевъ, Гусинъ и Алексинъ. Помощникъ режиссера Гусинъ. Декораторъ Дубравинъ. Суфлеръ—г-жа Орлищкая.

Открытие сезона предполагается 26 сентября. Спектакли, 4 раза въ недѣлю, кромѣ утренниковъ.

Тифлисъ. Спектакли русской драматической труппы г. Красова начинаются въ театрѣ «Тифл. артист. общества» 28-го сентября. Для открытія пойдетъ «Послѣдняя жертва».

Уфа. Составъ труппы зимн. театра: г-жи Воронова, Живокіни, Кульвинская, Римская, Строкина, Сергѣева, Степанова, Лобанова, Тиханова, Федорова, Херувимова, г-г. Ге, Громовъ, Бояриновъ, Дымскій, Ленскій, Марджановъ, Нигофъ, Петровъ, Тихановъ, Федоровъ, Хмѣльницкій. Суфлеръ Мамлеева. Режиссеры: гг. Громовъ и Марджановъ, помощникъ ихъ г. Семеновъ. Антреприза А. И. Громова. Костюмеры г. и г-жа Корчагини. Начало сезона 27-го сентября. Декораторъ Ветлугинъ, написалъ контрактъ черезъ Моск. Бюро и взявъ авансъ не прѣѣхалъ на службу, чѣмъ самымъ поставилъ антрепризу въ безвыходное положеніе относительно декораций.

Харьновъ. Труппа г-жи Коммисаржевской предполагаетъ дать въ Харьковѣ еще 5 спектаклей и числа 26 уѣзжаетъ въ Екатеринославъ.

Черниговъ. Зимній сезонъ. Труппа М. Н. Онѣгина, на афишѣ почему-то названная «труппой московскихъ артистовъ». Составъ: г-жи Я. А. Стальская, С. Л. Лорина, М. Н. Шадурская, Е. П. Славина-Кондратьева, М. Н. Таманцева, А. Г. Лаврова-Вишневецкая, О. П. Квирина, И. К. Ленская, О. М. Воронцова, Н. Н. Надеждина, г-г. П. Н. Рахмановъ, С. А. Орловскій, А. С. Ивонинъ, Н. В. Платоновъ, П. Д. Лавровъ-Вишевскій, М. Г. Яновъ, И. И. Кондратьевъ, М. Н. Онѣгинъ, К. К. Строгановъ, Э. М. Судьбиновъ. Режиссеры гг. Рахмановъ и Онѣгинъ. Открытіе 29 сентября пьесой «Волшебная сказка».

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Намъ прислала слѣдующая замѣтка: „Не хотите ли воспользоваться маленькимъ стихотворнымъ отрывкомъ, на мотивъ „Камаринской“? Можете назвать его „Театръ въ присядку“, съ эпиграфомъ: „Какъ по улицѣ Варваринской, шелъ Касьянъ, мужикъ Камаринской“. Это звучитъ очень ритмично. Напримѣръ:

Г. Ратовъ (*притворяясь Акимомъ*). Съ «Властью тьмы» въ театрѣ нашемъ не таетъ.

Не по ндраву намъ пейзажное житье,
Наигрались мы Ростановъ да Эрвье,
Ну, съ Акимомъ, значитъ, дѣло не таетъ.

Г. Изенбергъ (*триорноничишь*). А избушки-то съ иголки
И полать, и печь, и полочки...

Г. Баратовъ. И къ Парижу отыскали мы пути,
Не видавши, прославляя меня Кларти,
Прославлялись мы анъ-гранъ, не пти-а-пти,
А съ Никитой, вотъ поди же, не ахти!

Г. Изенбергъ. А костюмчики пейзажскіе—
Первый сортъ яснополяскіе.

Г-жа Щепкина-Куперникъ. Приключилась неудача отъ того,

Что не взяли перевода моего;
Я сказала: два денечка посижу,
И Толстого я стихами изложу.

Метерлинка я исправила грѣху:

«Монну Ванну» положила на стихи.

Пусть творецъ ея въ Европѣ знаменитъ—

Это нашихъ вдохновеній не стѣснитъ,

Пусть намъ скажутъ: если-бъ только пожелалъ,

То стихами бы не хуже написалъ,

Если жъ прозу избираетъ онъ, не стихъ—

То въ поправкахъ не нуждается моихъ,

И не принято—(обычай такъ суровъ)!

Чтобъ учили подмастерья—мастеровъ.

(съ *малюю улыбкою*). Но для насъ—резоны эти не таетъ:

Захотѣла, и—поправила ее...

При желаніи, это можно продолжать ad infinitum...

„Добавочные пункты“.

(Изъ письма въ редакцію).

15 августа текущаго года я получилъ черезъ московское Бюро предложеніе отъ антрепренера г. Линтварева поступить къ нему на службу въ г. Воронежъ актеромъ и режиссеромъ. Торговля изъ-за жалованья и аванса длилась до 31-го августа. Наконецъ, 2-го сентября, получена мною была телеграмма отъ управляющаго Бюро г. Пальмина, что авансъ мнѣ будетъ переведенъ г. Линтваревымъ изъ Нижняго-Новгорода въ Петербургъ въ канцелярію Совѣта. Я уложилъ вещи, сдѣлалъ всѣ приготовления къ отъѣзду, отказался отъ удобной для меня квартиры и явился въ канцелярію Совѣта за авансомъ 3-го сентября. Аванса не было. Возвращаюсь домой и тутъ нахожу телеграмму отъ г. Пальмина, въ которой узнаю, что г. Линтваревъ тогда только переведетъ мнѣ авансъ, когда я подпишу контрактъ съ «добавочными пунктами». Поѣхалъ тотчасъ на телефонную станцію и спрашиваю г. Пальмина, что это за «добавочные пункты». Мнѣ отвѣчаютъ, что эти пункты меня касаются только какъ режиссера, т. е. что я, будучи режиссеромъ, не имѣю права назначать роли, не имѣю голоса въ составленіи репертуара.

На это я согласиться не могъ и послалъ увѣдомленіе объ отказѣ.

Предложи г. Линтваревъ мнѣ въ первой телеграммѣ эти «добавочные пункты»—я тогда же отказался бы. Но г. Линтваревъ, ведя переговоры, ни словомъ не обмолвился объ этомъ. Я же за время переговоровъ отклонилъ два другихъ предложенія, опираясь на то—въ началѣ,—что веду переговоры съ Воронежомъ, а потомъ, что я уже служу тамъ.

Уже послѣ того, какъ мной былъ посланъ отказъ, я получилъ контрактъ, при которомъ было приложено письмо съ категорическимъ заявленіемъ, что «никакихъ измѣненій о добавленіи въ контрактъ не допускаю».

Нѣкоторые пункты контракта на столько интересны, что я позволю себѣ ихъ цитировать.

Пунктъ 3. «Я (имя рекъ) обязанъ съ 15-го сентября по 27-го сентября участвовать въ репетиціяхъ бесплатно. Значитъ 12 дней, репетируя и утромъ и вечеромъ, я работаю даромъ? Правда, у большинства антрепренеровъ за предварительныя репетиціи не платится, но на эти репетиціи обыкновенно отводятся 3—4 дня, самое большее 5 дней, а не *полмѣсяца*. Далѣе пунктъ 5 гласитъ: «Всѣ вычеты изъ жалованья артистовъ и артистокъ, налагаемыхъ антрепренеромъ или режиссеромъ за несоблюденіе правилъ и условій сего контракта поступаютъ въ пользу Русскаго Театральнаго Общества, за *исключеніемъ* тѣхъ случаевъ, когда антрепренеръ несетъ убытокъ по винѣ артистовъ или артистокъ, напримѣръ: отмѣна спектакля, замѣна главной пьесы съ возвращеніемъ обратно денегъ, *отказъ отъ роли и т. под.*» И такъ штрафъ за «отказъ отъ роли» и «т. под.»—идетъ въ карманъ г. Линтварева, а не въ кассу Т. Общества. И потомъ, что это за проступки, называемые «и т. под.»? Какіе же штрафы будутъ поступать по обвиненію въ Театральное Общество? Хитроумный пунктъ! Пунктъ 8 читается такъ: «По истеченіи каждаго мѣсяца г. Линтваревъ имѣетъ право удерживать 10% съ жалованья, получаемаго г. (имя рекъ) въ пользу Русскаго Театральнаго Общества». Это уже пахнетъ произволомъ. На какомъ основаніи будетъ удерживать г. Линтваревъ эти деньги и кто имѣетъ право меня заставить насильно носить куда бы то ни было мои заработанные трудомъ деньги.

Теперь перейду къ правиламъ, нарушеніе которыхъ грозитъ по контракту г. Линтварева или штрафомъ не менѣе 7-ми дневнаго жалованья или неустойками.

Правило 3. «Г. артисты и артистки обязаны твердо знать свои роли, не только въ спектаклѣ, но и на репетиціяхъ и отнюдь не репетируютъ даже на первой репетиціи по тетрадка́мъ». А вотъ я за 12 лѣтъ моей режиссерской дѣятельности, наоборотъ—требую, чтобы первую репетицію читали артисты обязательно по тетрадка́мъ. Во время первой репетиціи на поляхъ тетрадокъ дѣлаютъ помѣтки моихъ замѣчаній, переходы и наконецъ вымарки или вписываютъ то, что можетъ быть пропущено по винѣ переписчика. Это въ провинціи замѣняютъ, такъ называемая, «считки». Но особенно любопытенъ пунктъ 6-й, по которому «воспрещается, г-жамъ артистка́мъ (помимо сцены) бѣлиться, румяниться, подводить брови, глаза и т. под.» Что это опять за и «т. под.»? Секреты дамскаго лифа, что-ли? Да и, наконецъ, этотъ пунктъ ничто иное, какъ «внѣдреніе» въ частную жизнь артистокъ. Пойдемъ далѣе.

Правило 7. «Въ случаѣ болѣзни (исключаящей возможность участвовать въ спектакляхъ и удостовѣренной театральнымъ врачомъ) по усмотрѣнію *антрепренера* выдать или нѣтъ больному жалованье». Иначе говоря, актеру болѣть совсѣмъ не полагается.

Прав. 8. «По полученіи послѣдняго бенефиса антрепренеръ имѣетъ право ставить на имя тѣхъ артистовъ или артистокъ бенефисъ (номинальный) въ свою пользу, назначая пьесу по своему усмотрѣнію». А по пункту 16 «дни бене-

фисовъ назначаются антрепренеромъ»—стало быть онъ можетъ бенефиса артиста настоящій поставить напр. въ концѣ перваго мѣсяца сезона, а номинальный бенефисъ устроитъ тогда, когда артистъ уже сдѣлается любимцемъ публики.

Правило 11. «Если спектакли прекращаются по случаю невозможности давать представленія (по распоряженію правительства, въ случаѣ пожара, войны, *эпидеміи и т. д.*), то жалованье на это время прекращается и антрепренеръ имѣетъ право нарушить контрактъ». Невдаваясь въ разборъ всего пункта—я осмѣливаюсь только спросить, что подразумѣваетъ г. Линтваревъ подъ словами «эпидемія» и «т. д.»? Лѣтомъ нынѣшняго года во Владивостокѣ была холера,—вѣдь это «эпидемія»—однако жалованье тамъ платили и дѣло не прекращалось. Потомъ, какіе это случаи надо подразумѣвать подъ «и т. д.»?

Правило 12. «Ежели игра актера или актрисы, или музыканта, не будетъ удовлетворять потребностямъ и вкусу публики и ежели артисты и музыканты будутъ уклоняться отъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, подвергаясь три раза вычетамъ изъ жалованья или окажутся съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ: глухотой, хромотой, заиканьемъ, шепелявостью и т. под., а также съ хронической прилипчивою болѣзнію, то антрепренеръ имѣетъ права уволить отъ службы и до истеченія срока контракта безъ платежа неустойки». Можно быть и хорошимъ актеромъ, можно имѣть успѣхъ въ 10-ти городахъ, а въ одиннадцатомъ не понравиться. Такихъ случаевъ съ актерами я вамъ насчитаю не одинъ десятокъ.

Правило 15. «Въ случаѣ отсутствія режиссера или его болѣзни никто изъ артистовъ не въ правѣ отказаться по порученію антрепренера отъ временнаго исполненія его должности».

А за это временное исполненіе полагается вознагражденіе? А если весь сезонъ не будетъ режиссера?

Правило 16. «Дни бенефисовъ назначаются антрепренеромъ; расходъ съ бенефицианта берется съ общаго валового сбора (въ размѣрѣ 250 р.); остальное же дѣлится пополамъ. Причемъ половина бенефисныхъ денегъ выдается на руки бенефицианту, а другая половина хранится въ полиціи, или казначействѣ до конца сезона и выдается ему на другой день по окончаніи срока этого договора. Если же артистъ или артистка по собственной винѣ не дослужитъ сезона, то половина бенефисныхъ денегъ поступаетъ въ пользу антрепренера. Въ число вечеровыхъ расходовъ входятъ: афиши (стоющія не дороже обыкновенныхъ), музыка, авторскій гонораръ, освѣщеніе, реквизитъ, парикмахеръ, *отопленіе* и вся прислуга». Не знаю, какой цифры достигаетъ полный сборъ въ Воронежѣ, но 250 руб. вечероваго расхода—цифра довольно почтенная. Потомъ интересенъ расчетъ. Бѣдный актеръ ждалъ-ждалъ бенефиса—дождался. Досталось на его долю ну хоть 200 р. (а на долю Линтварева 450), и изъ 200 руб.—онъ получаетъ только 100, а остальные 100—въ концѣ сезона.

Въ томъ же пунктѣ: «антрепренеръ назначаетъ репертуаръ пьесъ, который онъ намѣренъ ставить въ свои спектакли и изъ этого репертуара безъ разрѣшенія антрепренера артистъ не имѣетъ права ставить пьесы въ свой бенефисъ».

Правило 19. «Такія болѣзни, какъ головная, ревматическая и зубная боль (безъ повышенія температуры) и ежемѣсячныя женскія и т. п., не исключаютъ возможности для гг. артистовъ и артистокъ исполненіе своихъ обязанностей и не внушающихъ опасенія за здоровье, въ уваженіе не принимаются». На фабрика́хъ, если баба жметъ отъ боли во время ежемѣсячной болѣзни, то ее отправляютъ домой, а у насъ на сценѣ эта болѣзнь не признается. Неужели больную женщину можно заставить играть, когда она, быть-можетъ, не въ состояніи сдѣлать двухъ-трехъ шаговъ? Не далѣе какъ въ прошломъ году въ Казани служила одна артистка, которая страдала всегда въ это время до невозможности и г. Соболевскихъ, надо отдать ему честь, не только не заставлялъ играть, наоборотъ—пришедшую въ театръ отправлялъ домой, передавая ея роль другой. Положимъ, больная артистка можетъ прислать свидѣтельство отъ врача, но вѣдь по контракту г. Линтваревъ имѣетъ право сдѣлать вычетъ за болѣзнь,—а это равносильно тому, что иди и играй.

Нѣтъ сомнѣнія, да я и не допускаю мысли, чтобы г. Линтваревъ придерживался строго пунктовъ своего контракта, я просто склоненъ думать, что это однѣ мертвыя буквы и только; тогда зачѣмъ же давать подписывать всю эту галиматью да «еще не допускать измѣненій или добавленій». Да если бы даже дѣло дошло до суда, то врядъ ли уважили подобный контрактъ. Контрактъ долженъ быть написанъ такъ, чтобы обѣ стороны были гарантированы и каждая изъ сторонъ имѣла бы свои права. А какія права въ данномъ контрактѣ у актера? Никакихъ. Все у г. Линтварева и ничего у актера. За все штрафы, штрафы и штрафы.

Режиссеръ В. М. Яновъ.

Письма о литературѣ.

I.

Леонидъ Андреевъ.

Это имя какъ-то сразу, съ какою-то особою довѣрчивостью, было принято и признано самымъ широкимъ кругомъ читающихъ. Свои первые рассказы г. Андреевъ печаталъ, если я не ошибаюсь, въ московской газетѣ «Курьеръ»; въ нѣкоторыхъ журналахъ, въ «Журналѣ для всѣхъ» встрѣчалась позже его подпись. Теперь несомнѣнно, что г. Андреева читають, но тогда еще никто не говорилъ о немъ.

Это имя стало популярнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ печати появился первый сборникъ рассказовъ г. Леонида Андреева. Очень недавно, прошлою зимой—вышла эта книга. Н. К. Михайловскій написалъ статью о молодомъ беллетристѣ, московскій художественный клубъ отвлелъ «рассказамъ» одно изъ своихъ собесѣдованій, публика зачитывалась «Бездной» (почему-то особенно именно этимъ рассказомъ) и быстро раскупала книгу г. Андреева. Съ тѣхъ поръ разошлось два изданія сборника—и съ любопытствомъ, съ явнымъ «исканіемъ» — былъ прочитанъ многими послѣдній рассказъ г. Андреева «Мысль» въ июльской книжкѣ «Мира Божьяго».

Въ быстро-возникшей извѣстности г. Андреева, особенно знаменательно это «исканіе». Рѣдко касаются его искусства, думаютъ о свойствахъ и особенностяхъ его письма, говорятъ о художественности его произведеній, а всякому кажется, что онъ нашелъ или готовъ найти нѣчто объединяющее, новое, нужное и значительно освѣщающее жизнь. Когда навстрѣчу этому «исканію» намѣренно идетъ самъ г. Андреевъ, онъ становится холоденъ, туманенъ и искусствененъ («Стѣна», «Ложь», «Мысль», въ большей части «Рассказъ о Сергѣѣ Петровичѣ»); когда онъ пишетъ свободно, отдаваясь вдохновенію—онъ даетъ вещи сильныя, цѣнныя въ художественномъ отношеніи и больше всего—а, быть можетъ, и единственно-удовлетворяющія «исканію» («Жили-были», «Большой шлемъ»). Такъ распредѣляются у г. Андреева его рассказы и такъ чередуются «свободныя» страницы въ вещахъ манерныхъ и надуманныхъ. «Единство» не напрасно всѣми ощущается въ рассказахъ г. Андреева, но это единство — не «новое слово» и не готовая мысль. Оно гораздо больше, гораздо глубже, цѣннѣе и правдивѣе.

Въ сборникѣ шестнадцать рассказовъ; подъ каждымъ помѣчено время его написанія. Эта странная, непривычная хронологія ничего не даетъ и даже въ сборникѣ рассказы расположены не въ хронологическомъ порядкѣ. Но это очень характерно. Рядомъ съ сильнымъ, талантливымъ, есть что-то досадное, безвкусно-крикливое въ творествѣ г. Леонида Андреева—такое же, каковы эти даты. Рассказъ «Мысль», напимѣръ, представляя собою «письменные объясненія» доктора Керженцева экспертамъ, испытывающимъ его умственную нормальность, пестритъ курсивами: подчеркнуты отдѣльные слова и цѣлыя фразы. Это напоминаетъ учебный или канцелярскую бумагу. Пусть, такъ писалъ и долженъ былъ писать докторъ Керженцевъ. Но то, что онъ написалъ, несмотря на курсивъ, осталось сбивчивымъ, натянутымъ, холоднымъ и въ громадной части чуждымъ искусству, ибо представляетъ собою отвлеченныя измышленія, а не даетъ живой души живого чело-вѣка.

Къ «Мысли» мы возвратимся: въ этомъ рассказѣ

очень интересно сочетались и переплелись многія стороны творческой личности г. Андреева. Онъ не принадлежитъ къ его истиннымъ вдохновеніямъ. Можно даже сказать, что рассказъ этотъ — взятый отдѣльно, безъ отношенія къ лучшимъ произведеніямъ г. Андреева—долженъ давать о немъ впечатлѣніе ложное: все въ немъ искусственное, притязательное выступить на первый планъ и затеряется самое цѣнное, здѣсь, какъ и вездѣ, въ разной мѣрѣ присущее г. Андрееву: прямое и ясное чувство прямой и ясной красоты—превыше мысли, хотя бы и «острой, точной и свѣтлой, какъ ножъ, который отточили» («Рассказъ о Сергѣѣ Петровичѣ») и правдивѣе самой правды. Этимъ чувствомъ созданы, имъ единственно оправданы, почерпаютъ въ немъ начало и въ немъ оканчиваются «истинныя» произведенія г. Андреева. Между ними выдѣляется рассказъ «Жили-были».

Въ восьмой палатѣ клиники умирають люди: торговецъ Лаврентій Петровичъ, діаконъ изъ Тамбовской губерніи, «бородатый» студентъ Торбескій. «Жили-были» — и умирають, медленно, день за днемъ, но несомнѣнно и неуклонно. Глубокой, тонкой красотой, красотой увядающей осени, освѣщено ихъ умираніе. Лаврентій Петровичъ «не хотѣлъ жизни и не боялся смерти. Все, что было въ немъ силы и жизни, все было растрчено и изжито безъ нужды, безъ пользы, безъ радости». Дни о. діакона были сочтены, но онъ этого не зналъ, не думалъ о «жестокой» смерти, а только все острѣе, все чаще, все тоньше воспринималъ «милую» жизнь. «И въ хорошей день, когда стѣны и паркетный полъ палаты щедро заливались солнечными лучами, ни съ чѣмъ несравнимыми въ своей могучей силѣ и красотѣ, когда тѣни на снѣжномъ бѣлѣ постелей становились прозрачно-синими, совсѣмъ лѣтними, — о. діаконъ громко напѣвалъ трогательную пѣснь:

«Высшую небесъ и чистѣйшую свѣтлостей солнечныхъ, избавльшую насъ отъ клятвы, Владычицу міра пѣснями почитимъ!»

Студентъ Торбескій «почти не вставалъ съ постели и каждый день къ нему приходила высокая дѣвушка съ скромно опущенными глазами и легкими увѣренными движеніями». «Иногда они много и оживленно говорили, улыбаясь и понижая голосъ» — «иногда они подолгу молчали и только глядѣли другъ на друга загадочнымъ, затуманеннымъ взглядомъ.»

Такъ умирали здѣсь люди. Въ бѣлыхъ, казарменныхъ палатахъ клиники, въ непрестанномъ со-сѣдствѣ со смертью, жизнь приобрѣтала необыкновенно тонкія, жгучія и прекрасныя краски. Дѣвушка, щеки которой «отъ свѣжаго воздуха горѣли живой и нѣжной краской» и дневной свѣтъ, заливавшій палату въ громадныя окна такъ, что «становилось свѣтло, какъ въ полѣ, и бѣлыя стѣны, постели, начищенные мѣдные тазы и полы — все блестѣло и сверкало — были близки, родственны другъ другу, объединялись въ умиленномъ, просвѣтленномъ настроеніи умирающаго діакона и пѣли въ его трогательномъ гимнѣ. Лаврентій Петровичъ, чело-вѣкъ озлобленный, изстрадавшійся — упорно сопротивлялся острому, невѣдомому чувству и не пускалъ его въ свою душу. Но и онъ, въ концѣ концовъ, «вспомнилъ тотъ потокъ горячаго свѣта, что днемъ вливался въ окно и золотилъ полъ, вспомнилъ, какъ свѣтило солнце въ Саратовской губерніи на Волгу, на лѣсъ, на пыльную тропинку въ полѣ, — и всплеснулъ руками и ударилъ ими себя въ грудь, и съ хриплымъ рыданіемъ упалъ лицомъ внизъ на подушку, бо-окъ-бокъ съ головой діакона.

Рассказъ «Жили-были» — именно то, что называется

искусствомъ. Въ художественномъ смыслѣ это необыкновенно цѣльная вещь: въ ней нѣтъ «идей» въ формѣ готовой придуманной мысли, ея тонъ, колоритъ — въ полномъ обладаніи писателя: ему нигдѣ не приходится вытягиваться изъ самого себя, онъ въ тѣсномъ духовномъ родствѣ съ своимъ произведеніемъ и даетъ его такъ же, какъ птицы поютъ свои пѣсни. Онъ ничего не хочетъ «сказать», онъ ничего «не можетъ» сказать ни радостнаго, ни печальнаго, тѣмъ менѣе стараго или новаго: на его произведеніи «печать иного чувства, не передаваемого словами, не опредѣляемого мыслью и доступнаго для пониманія лишь такому же чувству» («Ангелочекъ»). Это чувство—красота, единый смыслъ и цѣль искусства, единый смыслъ и цѣль самой жизни. Оно одно способно разрѣшать самый страшный вопросъ жизни: примирять со смертью, освѣщая ее красотой («Жили-были»). Оно проникаетъ въ самую крайнюю искусственную жизнь, какую только могли создать себѣ люди, проводя ее годами за карточнымъ столомъ («Большой шлемъ»): карты теряютъ въ ихъ глазахъ «значеніе бездушнѣйшей матеріи, и каждая масть, а въ масти каждая карта въ отдѣльности становится строго индивидуальна и живетъ своей обособленной жизнью». Красота въ дикой страсти, заставившей студента Нѣмовецкаго, «теряя послѣдніе проблески мысли», взять находившуюся въ обморокѣ, только что грубо изнасилованную, любимую имъ дѣвушку («Бездна»); она же въ восковой игрушкѣ, внезапно и странно согрѣвшей на минуту жизнь двухъ изболѣвшихъ усталыхъ людей — и растаявшей («Ангелочекъ»). «Красота—страшная вещь», говорилъ Достоевскій. Больной, изломанный, выброшенный изъ жизни человѣкъ («Въ подвалѣ») плачетъ, «укрываясь отъ холода и ночи подъ мяг-

—*~* ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ. *~*—

Элленъ Терри, въ роли Имогены.

Три въ роли Улисса.

кой грудой тряпья». Но ему чудится, что онъ «жалѣетъ всѣхъ людей и всю человѣческую жизнь, и въ этомъ чувствѣ была таинственная и глубокая радость». Та же жажда «таинственной радости» — потребность надѣлать жизнью красоту — заставляетъ сухого, отупѣвшаго, до жестокости эгоистичнаго Андрея Николаевича («У окна») жить воображеніемъ красивой жизни красиваго барскаго дома, который виденъ ему изъ окна. Красоты природы—лѣса, свѣт-

лая зеленая полянка — такъ сильно дѣйствуютъ на мальчика изъ парикмахерской, прожившаго всю свою недолгую жизнь среди каменныхъ громадъ, что въ первое время «богатство и сила новыхъ впечатлѣній смяли его маленькую и робкую душонку» («Петька на дачѣ»). А машинисту при Буквской мельницѣ, Алексѣю Степанычу («На рѣкѣ») при звукахъ пасхальнаго благовѣста въ святую ночь «чудилось, что душа его такой же звукъ, и было страшно, что не выдержитъ тѣло ея свободнаго полета». Красотою тревоги, напряженной и мрачной, вѣетъ отъ картинки «Набатъ».

Сильна красотой ужаса та сцена, гдѣ о. Игнатій («Молчаніе») бѣжитъ «высокій и необыкновенный, въ развѣвающейся рясѣ и съ плывущими по воздуху волосами», среди могилъ, съ могилы дочери, куда ходилъ онъ вывѣдать, спросить у мертвой тайну ея смерти. Въ высшей степени красиво чувство дѣтской жалости, съ которымъ Валя («Валя»), утѣшая свою, внезапно появившуюся, совсѣмъ еще ему чуждую маму, предлагаетъ ей послушать сказку «о бѣдной русалочкѣ». Герой разсказа «Въ темную даль», прислушиваясь къ музыкѣ вспоминаетъ, что когда онъ былъ маленькій и вотъ также слушалъ музыку, онъ грезилъ не образами, а чѣмъ-то другимъ, въ чемъ и образы, и звуки сплетались въ

Виолета Данбругъ.

Ирена Данбругъ.

Хальстонъ, въ роли Францески.

одно яркое и мучительно красивое. Коротенькій набросокъ «Смѣхъ»—оригинальный и содержательный, въ сущности художественный выдѣляется страннымъ, совсѣмъ новымъ для г. Андреева, нѣсколько фельетоннымъ юморомъ:

«Въ безъ—пяти минутъ семь мнѣ стало жарко.
Въ безъ—двухъ минутъ семь мнѣ сдѣлалось холодно.
Ровно въ семь я убѣдился, что она не придетъ».

Разказы «Ложь» и «Стѣна» стоятъ уже совершенно особнякомъ, безконечно удаляясь отъ правдиваго, непосредственнаго чувства, которымъ бывають проникнуты истинныя вдохновенія г. Андреева. Въ нихъ сохранилась манера его письма — смѣлая и увѣренная и попадаются стилистическія красоты. Въ «Лжи» красивое сравненіе: «профиль такой бѣлый, строгій и правдивый, какой, бываетъ у задумавшагося ангела надъ могилой забытаго человѣка». Но оба разказа — холодные задуманные, рассчитанные на крикливый эффектъ — не оставляють художественнаго впечатлѣнія.

Во «Лжи» возбужденному, болѣзненно настроенному человѣку во всемъ чудится обманъ любимой имъ женщины. Можетъ быть, она и права, ибо онъ самъ говоритъ, что не можетъ «доказать ея лжи». Во всякомъ случаѣ, она не боится его угрозъ и искренно его жалѣетъ. Но, въ концѣ концовъ, онъ убилъ ее, «сталъ ногой на ея трупъ и разсмѣялся». «Это не былъ смѣхъ сумасшедшаго, о нѣтъ!», торопится онъ предупредить насъ. Это оттого, что «внутри его груди» стало «весело, спокойно и пусто», какъ только онъ убилъ «ложь». Оказалось, однако, что, убивъ женщину, онъ не убилъ лжи, а сдѣлалъ ее «безсмертной». «Не убивайте женщины, пока мольбами, пыткой и огнемъ вы не вырвете изъ души ея правды!» И онъ намѣревается идти за ней туда, куда унесла она правду, настигнуть ее «у самаго престола сатаны». Только соображеніе о томъ, что «тамъ пустота вѣковъ и безконечности, и тамъ нѣтъ ея, и нѣтъ ея нигдѣ» его останавливаетъ. «О, какое безуміе быть человѣкомъ и искать правды! Какая боль!» заканчивается разказъ.

«Стѣна» выражаетъ собою тупую, непреложную безвыходность, царствующую надъ міромъ: безвыходность смерти, болѣзни, страданія.

«Отдай мнѣ мое дитя!»—кричитъ «стѣнѣ» «худая, старая женщина съ провалившимися сухими щеками». — «Изъ безмолвной толпы вышелъ красивый и суровый старикъ и сталъ рядомъ съ женщиной».

— «Отдай мнѣ моего сына!»—сказалъ онъ.

«И вотъ стали выходить мужчины и женщины, старые и молодые, и стирали руки, и неумолимо звучало ихъ горькое требованіе:

— «Отдай мнѣ мое дитя!»

— Тогда и я, прокаженный, ощутилъ въ себѣ силу и смѣлость, и вышелъ впередъ, и крикнулъ громко и грозно:

— «Убийца! Отдай мнѣ самого меня!»

«А она—она молчала. Такая лживая и подлая, она притворялась, что не слышитъ».

«Тогда женщина гнѣвно потрясла тощими, желтыми руками и бросила неумолимо».

— «Такъ будь же проклята, ты, убившая мое дитя!»

«Красивый, суровый старикъ повторилъ:

— «Будь проклята!»

«И звенящимъ, тысячеголоснымъ стономъ повторила вся земля».

— «Будь проклята! Проклята! Проклята!»

Все это написано очень красивымъ, изощреннымъ языкомъ, чувствуется стремленіе къ грандіознымъ образамъ—но нѣтъ теплоты вдохновенія, и изысканныя метафоры не живутъ, приподнятое настроеніе не трогаетъ, не заражаетъ, а во всемъ проглядываетъ надуманность—притязательная и досадная.

«Разказъ о Сергѣѣ Петровичѣ», который додумался до того, что онъ самъ и вся жизнь его—не

болѣе, какъ матеріалъ для жизни и счастья другихъ, былъ бы правдивѣе и художественнѣе, если бы не былъ связанъ съ именемъ Ницше. Но тогда не было бы разказа—не было бы толчка, заставившаго Сергѣя Петровича рѣшиться на самоубійство: «если жизнь не удается тебѣ—знай, что удастся смерть». Получилась большая спутанность: Сергѣй Петровичъ, можетъ быть, совсѣмъ и не «срединный человѣкъ», онъ прежде всего—больной человѣкъ». Прибѣгнуть къ «психозу», конечно, самый лучший и простѣйшій путь, тѣмъ болѣе, что г. Андреевъ, въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, явно тяготеетъ въ сторону изображенія людей психически-больныхъ—въ формахъ крайнихъ, подлежащихъ больничному лѣченію. Таковъ позднѣйшій разказъ «Мысль».

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ разныхъ формахъ и степеняхъ, строй души пробужденной, приподнятой и обостренной чувствомъ красоты, представляетъ собою истинный объектъ художественнаго творчества. Но существуетъ такая черта, такая граница, за которой острая, повышенная психическая дѣятельность человѣка—всегда крайняя, всегда страстная и всегда цѣнная, а, можетъ быть, и единственно цѣнная—переходитъ въ болѣзнь—въ ничто безличное и исключительное. Художественныя изображенія обычно останавливаются на этой чертѣ. На ней, собственно, удерживается и г. Андреевъ въ своей «Мысли», но моменты психики исключительной, близкой къ «чертѣ»—чужды г. Андрееву и онъ ихъ «выдумываетъ»—сухо, скучно и притязательно.

Докторъ Керженцевъ «совершилъ убійство». «Онъ всегда былъ мнѣ симпатиченъ и болѣе близкихъ друзей, чѣмъ онъ, я никогда не имѣлъ», говоритъ Керженцевъ о томъ человѣкѣ, котораго убилъ. Въ изложеніи мотивовъ, которые привели Керженцева къ убійству и, рядомъ, къ полной умственной раздвоенности, собственно, и заключается разказъ «Мысль». Какъ мы говорили, онъ представляетъ собою записки самого Керженцева для экспертовъ, свидѣтельствующихъ его умственное здоровье.

Керженцевъ убилъ Савелова, мстя женщинѣ, которая со смѣхомъ отвергла его любовь и стала женою Савелова («5-го сентября она засмѣялась»—подчеркиваетъ Керженцевъ). Онъ намѣревался сдѣлать это холодно и обдуманно: докторъ Керженцевъ очень высоко ставилъ «мысль»—«изъ всего удивительнаго, nepocтижимаго, чѣмъ богата жизнь, самое удивительное и nepocтижимое». «Моя задача была такова», разказываетъ онъ. «Нужно, чтобы я убилъ Алексѣя; нужно, чтобы Татьяна Николаевна видѣла, что это именно я убилъ ея мужа и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе не дало Татьянѣ Николаевнѣ лишній поводъ посмѣяться. Я вообще совершенно не хотѣлъ каторги. Я очень люблю жизнь». И Керженцевъ рѣшилъ притвориться сумасшедшимъ убить и избѣгнуть наказанія.

Все сдѣлано: Савеловъ—убитъ, Керженцевъ такъ похоже и умно симулировалъ сумасшествіе, что признанъ подлежащимъ судебной экспертизѣ. Но тутъ въ его голову вошла новая мысль, обладающая всѣми свойствами «его» мысли: ясностью, точностью и простотой:

«А весьма возможно, что докторъ Керженцевъ дѣйствительно сумасшедшій. Онъ думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій».

И Керженцевъ пришелъ къ тому, что для него «никто не рѣшитъ этого вопроса. Впервые усумнился онъ въ могущество мысли: «подлая мысль измѣнила мнѣ», говоритъ онъ—«мой замокъ сталъ моей тюрьмой». И въ отчаяніи, онъ собирается

искать одну вещь, «въ которой давно назрѣла необходимость». «Это будетъ взрывчатое вещество» — «сильнѣ динамита, сильнѣ нитроглицерина, сильнѣ самой мысли о немъ». «И когда я найду его, я взорву на воздухъ вашу проклятую землю, у которой такъ много боговъ и нѣтъ единого вѣчнаго Бога».

Это — остовъ разсказа, въ немъ много психологическихъ подробностей — скорѣ книжныхъ, чѣмъ жизненныхъ въ общемъ банальныхъ: какая-то до-

вольно обиходная психологія. Не то, чтобы она была ложь, и не то, чтобы за ними чувствовалась правда. Все это умно, по своему интересно, талантливо, все это могло бы быть правдой. Все могло бы быть, если бы въ Керженцевѣ чувствовалось живое лицо, если бы оно могло жить живою жизнью въ душѣ автора, а не являлось въ большей части плодомъ его «мысли». Въ разсказѣ есть чудесная подробность, — съ точки зрѣнія искусства, стоящая всѣхъ крикливыхъ и холодныхъ измышленій доктора Керженцева. Онъ вспоминаетъ, какъ «въ погожій солнечный день» видѣлъ «дѣвочку въ ватномъ пальтецѣ и капюшонѣ» и «собачку съ тоненькой мордочкой и трусливо зажатые между ногами хвостомъ». «И то, что объ онѣ, и дѣвочка, и собаченка, были такія маленькія и милыя, и что онѣ смѣшно боялись другъ друга, и то, что солнце такъ тепло свѣтило—*все это было такъ просто и такъ полно кроткой и глубокой мудростью, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія.* Такое было чувство». Это чувство — красота, и докторъ Керженцевъ не правъ, когда говорить, что на землѣ нѣтъ единого вѣчнаго Бога. Въ искусствѣ же, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть многихъ боговъ. П. Ярцевъ.

«Босякъ во вкусѣ Горькаго».

«Скорбная душа».

«Первый неврастеникъ».

Герои современныхъ пьесъ.

Появленіе «Забавы» произвело нѣкоторую сенсацию. Почти всѣмъ художникамъ понравилась она. Шипящіе завистники составляли ничтожное исключеніе.

Мирковичъ взялъ Щигровскаго за локоть и отвелъ въ сторонку.

— Вы заново переписали голову — совсѣмъ другой типъ. Теперешняя русалка мнѣ удивительнокого-то напоминаетъ.. дайте вспомнить...

Но въ соображенія Щигровскаго вовсе не входило, чтобы

Мирковичъ вспомнилъ, — и онъ поспѣшилъ направить его мысль въ другую сторону:

— Мнѣ очень понравилось ваше «Зеркало зари» — прекрасная вещь и заглавіе поэтическое.

Мирковичъ оживился; глаза его заблестѣли. Онъ горячо любилъ искусство — тотъ вдумчивый талантливый пейзажистъ. Онъ взялъ Щигровскаго за пуговицу:

— Вы замѣтили, — тамъ совсѣмъ нѣтъ небесъ, чуть-чуть краешекъ на горизонтѣ, гдѣ догораетъ закатъ. А рѣка вьется на громадномъ протяженіи, спокойная, тихая — она дремлетъ... Я хотѣлъ отразить въ ея поверхности всѣ цвѣтвые нюансы невидимыхъ небесъ, какъ въ зеркалѣ. На первомъ планѣ рѣка блѣдно-перламутровая, потомъ ярче, золотистая блѣдно-оранжевая, ярко-оранжевая и наконецъ, у горизонта, пепельно-розовая.

— Тонкая вещь, очень тонкая.

— Мнѣ самому она больше другихъ по душѣ, хотя никогда я не былъ доволенъ своей работой, никогда...

XXVII.

Къ вечеру всѣ картины желающихъ экспонировать на выставкѣ были доставлены. Комитетъ ихъ занумеровалъ и къ слѣдующему дню въ типографіи были отпечатаны продолговатыя тетрадки. Количество ихъ равнялось числу членовъ общества. На каждой страницѣ противъ номера картины — было два слова: «принимаю» и «отвергаю».

Художники осматривали картины и, сообразно впечатлѣнію, зачеркивали то или другое слово. Но не всегда, далеко не всегда руководились они объективнымъ впечатлѣніемъ. Нерѣдко примѣшивались личныя отношенія, симпатіи, антипатіи и завѣдомо хорошую вещь художникъ «прокатывалъ», скверную же принималъ...

По окончаніи экспертизы, тетрадки складывались въ ящикъ и начинался подсчетъ голосовъ. Отвергнутыя вещи уносились въ особую комнату, называвшуюся «покойницкой», а принятія — начинали развѣшивать по мѣстамъ. Браковались, преимущественно, вещи экспонентовъ. Что же касается картинъ членовъ общества, то какъ бы онѣ слабы ни были, онѣ всегда попадали на выставку. При подсчетѣ выяснилось, что противъ картины Щигровскаго высказался одинъ, единственный голосъ. Никто не зналъ въ точности, кому принадлежитъ онъ, но всѣ были почему-то увѣрены, что Калиновскому.

Въ царствѣ красокъ.

(Повѣсть изъ жизни художниковъ).

(Продолженіе) *).

Въ эту минуту раздался тяжелый топотъ десятка ногъ. Артельщикъ съ четырьмя рабочими вносилъ картину Щигровскаго. Большая эффектная въ массивной золоченой рамѣ, она колыхалась надъ всклокоченными головами людей, которые громко пыхтѣли, понукая одинъ другого, и стонали отъ натуги.

Толпившаяся вокругъ Калиновскаго кучка художниковъ отхлынула къ «Забавѣ». Посыпались восклицанія:

- Ого!
- Молчалъ, молчалъ, и заговорилъ!..
- Молодецъ, ай, да молодчина!
- Картина, можно сказать, съ перчикомъ...

*) См. № 39.

Претенціозные этюдики самовлюбленного художника прошли благополучно, хотя далеко не блестяще,—двумя, тремя голосами.

Утромъ выбранная коммисія приступила къ развѣскѣ. За день предполагалось устроить на лучшихъ, въ показномъ и свѣтовомъ отношеніи, мѣстахъ картины членовъ общества, а за ночь повѣсить, гдѣ придется, вещи экспонентовъ. Развѣска—самая трудная напряженная часть подготовительныхъ къ выставкѣ работъ. Требуется неусыпное вниманіе, распорядительность. Рабочіе по приказанію художниковъ брали ту или другую картину, подносили ее къ мольберту, поднимали, опускали, двигали вправо, влево, пока картина не находила, въ концѣ концовъ, выгоднаго для себя мѣста. Если холстъ долженъ былъ висѣть высоко, плотники садились верхомъ на мольбертъ и поднимали холстъ на проволоку, посредствомъ которой закрѣпляли картину. Плотники отличались привычною ловкостью и сноровкой, и сидѣли на трехъ-саженныхъ мольбертахъ, точно въ креслахъ, и словно по землѣ, расхаживали по узенькимъ не шире средняго каната, ребромъ досокъ.

Навѣрно многія великосвѣтскія красавицы и не подозрѣваютъ, какъ небрежно переходятъ ихъ дорогіе портреты изъ однихъ мозолистыхъ рукъ въ другія, пока ихъ не повѣсятъ окончательно. Когда всѣ картины до одной были на своихъ мѣстахъ, рабочіе стали затягивать рѣшетчатые скелетообразные мольберты темно-вишневою матеріей. Впечатлѣніе выставки сразу выиграло. Казавшіяся висящими въ воздухѣ, картины теперь отчетливо и рѣзко выдѣлялись на ровномъ темномъ фонѣ. Весь разнообразный соръ исчезъ; явилась цѣлая ватага полотеровъ., гладко заблестѣли паркетные полъ—нигдѣ ни пылинки—и выставка готова.

Художники вздохнули свободнѣе...

Первый день открытія. Публики немного—самая изысканная. Она явилась, откликнувшись на разосланныя «Обществомъ» почетныя приглашенія. Художники во фракахъ и съ праздничными лицами, встрѣчали гостей, провожали по выставкѣ. Къ двумъ часамъ весенняго яркаго дня пустынные залы ожили.

Было нѣсколько чрезвычайно солиднаго вида мужчинъ въ черныхъ солидныхъ парахъ—банкиры, биржевые дѣльцы, адвокаты, сенаторы... Все народъ денежный, неутратившій похвальной привычки покупать картины. Были высокія, элегантныя дамы, которыя полупрезрительно съ очаровательными и вовсе не очаровательными гримасами осматривали выставку; ровно ничего не понимая въ искусствѣ, критиковали все съ апломбомъ и никогда ничего не покупали, не смотря на то, что имѣетъ средства и трагично зря сумасшедшія деньги. Были гвардейцы, въ длинныхъ шюртукахъ, кирасирскихъ вицмундирахъ и куцыхъ венгеркахъ.

Какъ ни старались художники поспѣвать всюду и держать себя любезными хозяевами, но cadaго изъ нихъ непреодолимо, инстинктивно тянуло къ своимъ картинамъ. Хотѣлось подслушать мнѣнія, вообще, и мучительно хотѣлось услышать хорошія мнѣнія, въ частности. Похвала, исходящая даже изъ невѣжественныхъ устъ, всегда пріятна...

Какъ мрачный стражъ, охранялъ свою «Забаву» Щигровскій, не отходя ни на шагъ. Но имъ руководили соображенія совершенно другія. Щигровскій зналъ, былъ убѣжденъ, что она явится на выставку, узнаетъ себя въ русалкѣ, будетъ узнана людьми своего круга и мстительное чувство его уже заранѣе наслаждалось ея гнѣвомъ, а можетъ быть позоромъ. Наконецъ-то подоспѣла минута, когда «демонизмъ» покинетъ эту женщину. Подождешь

хвостъ, какъ собачонка! Щигровскій умышленно подбиралъ самыя грубыя оскорбительныя сравненія...

Онъ стоялъ поодаль съ холоднымъ скучающимъ видомъ, какъ зритель—не болѣе. Вотъ прошелъ сіяющій Мирковичъ подъ руку съ какимъ-то благообразнымъ старикомъ, купившимъ его «Зеркало зари». Вотъ, гримасничая и жестикулируя, съ напускной экзальтаціей, объяснялъ Калиновскій двумъ дамамъ свои этюды. Доносились обрывки фразъ: «мы съ Клодомъ Моне»... «горячо благодарилъ меня», «здѣсь все въ настроеніи». «Я произвелъ въ Парижѣ сенсацію». Слушательницы улыбались, подкивали, сочувственно кивали головами и не вѣрили ни одному его слову...

Щигровскій весь насторожился

Быстро проходившіе мимо полный гусарь въ бѣлой отороченной мѣхомъ венгеркѣ и развинченный молодой человекъ въ необыкновенно высокихъ воротничкахъ, вдругъ круто остановились у «Забавы».

— Но! là là! — воскликнулъ штатскій и ловко вооружилъ свой тусклый погасшій глазъ моноклемъ—кого я вижу? Быть не можетъ, неужели она?..

Гусарь лукаво улыбнулся.

— Mon cher, все возможно и въ томъ, что Софи Бередникова позировала для этой очаровательной наяды, нѣтъ ничего удивительнаго...

— «Начинается»,—подумалъ Щигровскій, и похолодѣлъ. Онъ взглянулъ словно въ бездонную глубь зияющей пропасти.

— Да, но зачѣмъ же рисковать своей головой?—и длинные воротнички поспѣшно усмѣхнулись собственному остроумію.

— Странно было ограничиться тѣломъ—отвѣтилъ гусарь—кто это ее раздѣвалъ?—онъ наклонился и прочелъ въ углу картины подпись:—Щигровскій—это имя, однако, тово, большой нахаль!

— Во всякомъ случаѣ, оригинально, чортъ возьми—возразили бѣлоснѣжные воротнички.

— Лицо удивительно похоже. Еще бы, даже шрамъ у глаза—это знаменитое воспоминаніе о князѣ Джемарджидзе, помните?

— Какъ не помнить, долгое время только и было разговорю, что объ этой исторіи.—«Змѣя», шевелилось у Щигровскаго, и онъ не отрывалъ глазъ отъ чернѣющей бездны.

— Интересно знать, насколько похоже остальное; если художникъ не польстилъ, она хорошо сложена?

— За справками по поводу всего остального надо обратиться къ барону Зервальдтъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ онъ въ состояніи дать самыя точныя свѣдѣнія.

Подошли двѣ дамы, которымъ удалось, наконецъ, вырваться отъ словоохотливаго Калиновскаго.

Одна не выдержала и всплеснула руками:

— Dieu, regardez chérie, узнаете?

— Mais, je crois bien! La belle irresistible Софи Бередникова — совершенно спокойно отвѣтила другая.

— Строго говоря, это мнѣ нравится—это оригинально, не правда-ли? адресовались къ дамамъ высокіе воротнички.

— Тсс.. la voilà! — прошепталъ гусарь. И всѣ собесѣдники, оглянувшись, умолкли.

Н. Брешко-Брешковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За границей.

Лондонъ. Англійскій театръ стоитъ, какъ извѣстно, на весьма низкой ступени. Развитію англійской сцены препятствуютъ отсутствіе строгой критики, какъ среди публики, такъ и со стороны прессы, благодаря чему тамъ все еще придерживаются старыхъ заблужденій. Трудно представить себѣ менѣе требовательную публику, чѣмъ здѣшняя: она обыкновенно ограничивается тѣмъ, что находить пьесу просто дурной или хорошей, критика же рѣдко переходитъ за предѣлы статистики и репортерства.

Въ прошломъ сезонѣ здѣсь была представлена между прочимъ пьеса «Веселый лордъ Квенъ» Пинеро. Авторъ этотъ заслуженно пользуется, какъ англійскій драматургъ, наибольшей извѣстностью за границей. Онъ учился у Ибсена, но стоитъ въ смыслѣ техники, ближе къ Дюма и Зудерману, хотя не такой блестящей, какъ они. Въ пьесѣ «Веселый лордъ Квенъ» Пинеро изображаетъ нравственные недостатки высшего общества, скрытые до сихъ поръ подъ покровомъ христіанской любви къ ближнему; все это довольно мѣтко схвачено и недурно обрисовано. Пьеса требуетъ исполнителей, хорошо знакомыхъ съ манерами, жестами, ахами и вздохами высшихъ классовъ общества. У героини, подъ чрезмѣрной вѣжливостью и манерничаньемъ, сквозитъ необразованность и кошачья хватка лондонскаго мѣщанства,—ее мастерски сыграла Ирена Данбругъ.

Гвоздемъ сезона была также драма въ стихахъ Стефена Филиппа «Паоло и Франческа». Пьеса эта давно была извѣстна въ формѣ романа. Романъ оцѣнили выше, а пьесу ниже достоинства. Спектакль оставляетъ впечатлѣніе, и не только потому, что, какъ говорится, «одноглазый—король среди слѣпыхъ», но потому, что въ этотъ вечеръ передъ нашими глазами пронесется рядъ сценическихъ картинъ, полныхъ утонченнаго вкуса. Изъ дружнаго ансамбля выдавалась Маргарита Хальстанъ.

Затѣмъ, шла передѣлка изъ... изъ «Одиссеи», подъ названіемъ «Улиссъ». Самая мысль передѣлать въ драму для грубыхъ театралныхъ эффектовъ безсмертное этическое произведеніе, не заслуживаетъ одобренія. Да и результатъ не оправдалъ надеждъ,—получилась смертельно скучная пьеса, несмотря на 100,000 рублей, затраченныхъ на постановку. Извѣстный лондонскій актеръ Три въ роли Улисса обнаружилъ неспособность къ героическимъ ролямъ. Онъ хорошо читаетъ и сочиняетъ разныя тонко придуманныя сценическія штуки. Но Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» онъ игралъ прекрасно, дѣля успѣхъ съ знаменитой Эленъ Терри, еще не утратившей своей женской прелести.

Въ «Лирическомъ театрѣ» большой и продолжительный, успѣхъ имѣла идилия «Мышь и человѣкъ». Эта легкая маленькая вещица не лишена юмора и трогательности.

Англійская сцена въ общемъ, ничего не даетъ людямъ, идущимъ въ театръ не только развлечения послѣ дневнаго труда, но и умственной работы и назиданія.

Совѣты

(Подъ редакціею С. А. Свѣтлова).

14. Н. С. Ла—скому. Какъ устроить суфлерскую будку, чтобы въ публикѣ не было слышно суфлера?

Теоретически вполне возможно указать типъ требуемой суфлерской будки. Внутренняя поверхность ея должна составлять поверхность параболоида и быть рассчитана такъ, чтобы ротъ суфлера приходился по возможности въ фокусѣ фигуры. На практикѣ же достигнуть этого очень трудно главнымъ образомъ въ виду того, что будка сравнительно съ головою суфлера (которая не можетъ оставаться неподвижною, а должна поворачиваться въ стороны и непременно удаляться отъ фокуса фигуры) должна быть очень велика, что, конечно, невозможно. При небольшихъ же размѣрахъ будки, малѣйшее уклоненіе головы суфлера въ сторону, значительно ее удаляетъ изъ фокуса и актерамъ суфлера не будетъ слышно; послѣдній долженъ усиливать голосъ, который будетъ слышенъ и въ зрительномъ залѣ. Кажется, помочь этому было бы возможно, если бы дѣлать будку какъ можно менѣе глубокою. У насъ же въ большинствѣ театровъ будку стараются дѣлать возможно глубокою, что конечно совершенно бесполезно и практически (теоретически же не поддерживаетъ ни малѣйшей критики), такъ какъ суфлеръ все равно никогда не держится въ глубинѣ будки, а обыкновенно садится на уровнѣ передней поверхности ея. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошелъ слухъ, что актеръ Малаго театра въ Москвѣ г. Гаринъ избрѣлъ будку, изъ которой суфлера безусловно не слышно въ зрительномъ залѣ. Не знаемъ, что случилось съ этимъ

изобрѣтеніемъ и не слышали чтобы по этому образцу гдѣ либо въ театрахъ строились суфлерскія будки. Можетъ быть если Вы обратитесь къ г. Гарину *), онъ сообщитъ Вамъ болѣе подробныя свѣдѣнія о своемъ изобрѣтеніи.

Можно было бы посовѣтовать оставить обычай обивать внутреннюю поверхность будки войлокомъ или вообще мягкой матеріей. Говорягъ, что это нѣсколько глушитъ голосъ суфлера и дѣлаетъ его менѣе слышимымъ зрителямъ. Каждый легко можетъ убѣдиться, что это вздоръ. Отлично слышатъ зрители суфлера при обитой будкѣ, какъ и при необитой. Послѣдняя же имѣетъ то преимущество, что лучше отражаетъ голосъ суфлера на сцену и послѣднему не надо голоса форсировать и можно менѣе напрягать свои голосовыя связки и грудь.

Рациональное устройство суфлерскихъ будокъ необходимо связано съ вопросомъ о вліяніи ихъ на здоровье суфлера. Давно уже стало истинною, что грудиныя и горловые болѣзни и ревматизмы—суть неизбѣжные спутники суфлерской службы. Но если и справедливо, что все эти заболѣванія составляютъ результатъ самаго суфлерованія, то еще справедливѣе, что девять десятыхъ изъ нихъ результаты антисанитарнаго устройства будокъ. Нигдѣ, кажется, не скопляется столько пыли и грязи, какъ въ суфлерской будкѣ. При малѣйшемъ недосмотрѣ, суфлерская будка является естественной вытяжной трубой изъ-подъ сцены. Сырой, пыльный, зараженный миазмами воздухъ изъ-подъ сцены вентилируетъ чрезъ будку. Если даже суфлерская будка и снабжена дверью, достаточно все-таки нѣсколько небольшихъ щелей, что-бы въ будкѣ дуло, какъ въ трубѣ. А когда при этомъ будка устроена и въ техническомъ отношеніи нерационально и суфлеру приходится насплывать и легкія и гортань—можно только удивляться одному, какъ не всѣ суфлеры наживаютъ чахотку.

Да, слѣдовало бы архитекторамъ и вообще театральнымъ инженерамъ и дѣятелямъ обратить вниманіе на устройство будокъ для суфлеровъ и выработать типъ безупречный въ санитарномъ и техническомъ отношеніяхъ.

15. Молодому любителю. Руководства къ изученію бутафорскаго искусства на русскомъ языкѣ мы не знаемъ. Выдѣлывать бутафорию—вовсе не такъ трудно, какъ кажется, и обратившись къ опытному бутафору вы быстро усвоите навыки. Въ художественномъ отношеніи могутъ помочь руководства къ лѣшкѣ изъ гипса, глины, палье-маше и т. п.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОРЕНБУРГЪ. Лѣтній сезонъ нынѣшняго года для Оренбурга былъ очень неудаченъ. Открылся онъ спектаклями опереточной труппы г. Ланова, игравшей у насъ съ середины апрѣля до середины мая. Труппа была незавидная, спектакли ставили на скорую руку, причемъ часто переменялись безъ предварительныхъ анонсовъ. Въ концѣ концовъ, произошелъ даже маленькій скандалъ. Антрепренеръ съ частью труппы уѣхалъ, оставивъ нѣсколько артистовъ на произволъ судьбы. Положеніе оставшихся было незавидное. Ставились большей частью старыя оперетки.

На смѣну Ланову появилась малорусская труппа Маро-зенко и Каганца, почему то именовавшая себя «труппою Дальняго Востока». Въ началѣ эта труппа давала спектакли въ городскомъ театрѣ, затѣмъ перенесла свою дѣятельность на вокзалъ Бѣлова, что рѣкъ Уралъ—мѣсто для гуляній. Въ вокзалѣ Бѣлова есть крохотная сцена, гдѣ и ставили малороссы свои спектакли. Посѣщались они также очень плохо, сборы были незавидные. Труппа въ общемъ приличная, кромѣ женскаго хора, который и малъ, и плохъ. Труппа играла съ 16 іюня по 14 іюля.

За лѣто былъ одинъ любительскій спектакль, состоялись концерты Славянскаго, давшіе полные сборы, концертъ Долиной и рядъ большихъ народныхъ гуляній съ обычными аксессуарами.

На бульварѣ все лѣто игралъ струнный казачій оркестръ подъ управленіемъ г. Эстеррейха. Надо отдать справедливость этому оркестру: исполненіе его было всегда приличное, репертуаръ довольно серьезный.

«Народный театръ» на лѣто былъ закрытъ. Въ самомъ началѣ лѣта было дано два танцевальныхъ вечера—затѣмъ «разумныя» развлечения для народа отсутствовали.

КРОЛЕВЕЦЪ, Черн. губ. Лѣтній, съ позволенія назвать, «театральный» сезонъ въ г. Кролевецѣ окончился. Дѣло въ томъ, что въ городскомъ скверѣ имѣется ротонда, или, лучше сказать, сарай, обладающій такой сильною протекціей, что въ дождливую погоду публикѣ приходится сидѣть подъ зонтиками; но, несмотря на это обстоятельство, сарай довольно часто посѣщается проѣзжими артистами.

Разумѣется, мало-мальски порядочная труппа сюда не

*) Москва, Малый театръ.

прѣдетъ, потому что наивысшій сборъ не простирается выше двухсотъ рублей, но за то отъ артистической мелкоты—отбоя нѣтъ. Больше всего везетъ малороссамъ, такъ какъ, во-первыхъ, въ составѣ этихъ труппъ всегда имѣется два—три довольно сносныхъ актера, а во-вторыхъ, малороссійскія пьесы поспѣваютъ публикою гораздо охотнѣе русскихъ. Русскія «труппы» состоятъ не болѣе, какъ изъ трехъ или четырехъ человекъ, и одинъ видъ подобнаго «артиста», котораго можно встрѣтить на улицѣ не задолго до спектакля, не внушаетъ къ нему никакого чувства, кромѣ жалости. Наибольшій успѣхъ въ истекшемъ сезонѣ выпалъ на долю малорусскаго товарищества Грицака.

Послѣ Грицака прѣхало русское товарищество подъ управленіемъ Энгельгарда, состоявшее изъ двухъ «товаришей» и одной «товарки», считая въ томъ числѣ и самаго г. директора. Несмотря на такой составъ, товарищество не задумалось поставить «Преступленіе и Наказаніе», въ передѣлкѣ Дельера, причемъ каждому артисту пришлось взять отъ трехъ до четырехъ ролей! При подобномъ исполненіи пьеса имѣла такой небывалый успѣхъ, что когда на слѣдующій день было объявлено къ постановкѣ «Право любви»—Зудермана(?) (о чемъ гласила также и полотняная простыня, прибитая на воротахъ въ садѣ), то изъ публики никто не рѣшилъ явиться. Зато на слѣдующее утро, посланный въ догонку за отъѣзжавшими артистами на вокзалъ, сторожъ городского сада, со счетомъ на пять рублей за неуплаченную ротонду, тшетоно разыскивалъ ихъ по вагонамъ отходившаго поезда. Очевидно, каждый изъ этихъ артистовъ обладаетъ способностью не только появляться на сценѣ одновременно въ четырехъ лицахъ, но даже можетъ и совсѣмъ казаться невидимымъ въ пассажирскихъ вагонахъ, что, разумѣется, даетъ этимъ артистамъ громадное преимущество передъ прочими пассажирами въ разсужденіи платы за проѣздъ.

Ко всему этому слѣдуетъ добавить, что посѣтила нашъ городъ и «нѣмецкая» труппа, не имѣвшая никакого успѣха, и наконецъ въ заключеніе сезона промчался вихремъ «извѣстный артистъ, членъ артистическаго общества» г. Платоновъ-Бурлакъ съ какой-то другой, не менѣе извѣстной артисткой, сорвавшій за одинъ только спектакль—изъ трехъ водевилей—валового сбора четырнадцать рублей и тридцать одну копейку!

И все таки люди работаютъ на «пользу искусства»!...

Наблюдатель.

ОРЕЛЪ. «Орловскій Вѣстникъ» привелъ выдержку изъ корреспонденціи, напечатанной въ журналѣ «Театръ и Искусство», въ которой, между прочимъ, говорилось о сочувствіи къ предпріятію, затѣваемому г. Барковымъ.

Конечно, «Орловскому Вѣстнику» извѣстнѣе тѣ мотивы, которыми руководился онъ, то и дѣло выдвигая на страницахъ своихъ г. Баркова и замалчивая о другомъ лицѣ, предлагавшемъ свои услуги комитету попечительства о народной трезвости касательно народнаго театра. Мы говоримъ о г. Томскомъ. Состоялось второе засѣданіе, посвященное разсмотрѣнію извѣстнаго нашимъ читателямъ предложенія А. И. Баркова объ открытіи въ Орлѣ народнаго театра и заявленія С. И. Томскаго, предлагавшаго давать для народа общедоступные спектакли. Девятью голосами противъ одного комитетъ рѣшилъ принять предложеніе г. Баркова, связавъ послѣдняго обязательствомъ содержать труппу для народнаго театра въ теченіе всего зимняго сезона, т. е. до Великаго поста. Попечительство народной трезвости, найдя для себя подходящими предложенія г. Баркова и согласившись съ ними, — *въ то же время призвало подлезавшимъ удовлетворенію и ходатайство антрепренера зимняго театра С. И. Томскаго и рѣшило выдать ему субсидію въ размѣръ 100 руб. за постановку въ зимнемъ театрѣ два раза въ недѣлю спектаклей для народа; г. Баркову-же рѣшено выдать субсидію, по осуществленію его предложенія о народномъ театрѣ, въ размѣръ 950 руб.*

Чтобы «разсѣять тѣ сомнѣнія, которыя могли зародиться въ душѣ кого-бы то ни было», слѣдуетъ разказать о томъ: за какую цѣну благопріобрѣлъ г. Барковъ отъ Дурова тотъ достославный, досчатый съ засыпкой землею и опилками между стѣнъ, холодный, сырой, много потерпѣвшій крушеній отъ стихій циркъ, который онъ, благопріобрѣтатель, проектируетъ приспособить для народнаго театра, и куда придется дѣваться попечительству о народной трезвости съ своими театральными труппами въ томъ случаѣ, когда оно найдетъ нужнымъ забракковать труппу Баркова, а этотъ послѣдній—удобнымъ и выгоднымъ для себя отказаться отъ антрепренерства, съ которымъ у него нѣтъ ни родства, ни свойства?

Орловскій обыватель.

ГРОДНО. Гродненскій лѣтній театръ воздвигнутъ въ городѣ въ городскомъ саду въ 1890 г. антрепренеромъ Перловымъ. Театръ этотъ—деревянный, крытый толемъ, весьма приличный, даже не безъ претензій на «стильность». Г. Перлову недолго пришлось давать представленія въ устроенномъ имъ театрѣ: въ 1891 г. онъ прогорѣлъ, — какъ и большая часть антрепренеровъ г. Гродно: уѣзжая, передалъ всѣ права

на гродненскій лѣтній театръ гродненскому благотворительному обществу. Общество послѣ этого сдавало театръ различнымъ антрепренерамъ въ краткосрочную аренду. Лѣтние сезоны въ г. Гроднѣ почти всегда кончались полнымъ проваломъ антрепренеровъ, вслѣдствіе того, что зажиточная часть публики уѣзжаетъ на лѣто въ дачный пунктъ—Друскеники; въ городѣ остается одна бѣднота, еврейское населеніе ходитъ въ театръ лишь наканунѣ субботняго дня. Все это нисколько не мѣшало нашему благотворительному обществу аккуратно получать слѣдующую за аренду лѣтняго театра мзду. Въ 1897 г. общество сдало театръ своему контръ-агенту г. Вейденбауму на 5 лѣтъ съ платой 120 руб. въ годъ, съ обязательствомъ для г. В.—ма пріобрѣсть мебели на 600 руб. и устроить постоянныя декорации, которыхъ лѣтній театръ долѣе не имѣлъ. Г. В.—мъ мебель и декорации пріобрѣлъ, — и затѣмъ въ теченіе 5 лѣтъ сдавалъ театръ и садъ въ аренду разнымъ антрепренерамъ. Антрепренеры быстро прогорали — и затѣмъ исчезали изъ г. Гродна, вмѣсто нихъ возникали «товарищества», члены которыхъ уходили изъ города чуть не по шпаламъ... Наступилъ 1902 годъ. Срокъ окончанія аренды приближался, но на лѣтній садъ явился, кромѣ г. Вейденбаума, еще одинъ серьезный претендентъ, — нашеюно «Вольное пожарное общество»... Подъ его влияніемъ гродненская городская управа предложила благотворительному обществу убрать изъ сада принадлежащій ему лѣтній театръ... Благотворительное общество долго мялось, но въ концѣ концовъ должно было уступить: вѣдь, управа стояла на юридической почвѣ... 18 июня 1902 г. въ помѣщеніи Благотворительнаго общества состоялись торги на продажу (на сносъ) зданія лѣтняго театра. Однако же правленіе Общества не признало торги правильными и оставило театръ за собою.

Къ концу юня театръ былъ сломанъ, а матеріалъ свезенъ. На мѣстѣ театра образовалась большая площадка, на которой «Вольное пожарное общество» намѣрено устроить маленькую открытую сцену (увы! не для театральнаго представленія, но для куплетистовъ, шансонетокъ, фокусниковъ, акробатовъ и прочаго люда, который предполагается выписывать на 1—2 представленія изъ Вильны)...

Относительно зимняго сезона (который у насъ на-дняхъ начнется въ зимнемъ театрѣ подъ антрепризою С. П. Волгиной) скажу въ слѣдующемъ письмѣ.

Л. Ф. О—скій.

ЧЕРНИГОВЪ. Сезонъ откроется 29 сентября пьесой А. Н. Островскаго; для открытія утреннихъ спектаклей пойдетъ 1 октября «Горе отъ ума». Спектакли будутъ даваться пять разъ въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ, средамъ, четвергамъ и пятницамъ. Цѣны мѣстамъ установлены общедоступныя.

Закончившійся лѣтній сезонъ въ матеріальномъ отношеніи для антрепренера г. Онѣгина былъ очень неудачный. За лѣто г. Онѣгинъ потерялъ 2.220 руб., да кромѣ того онъ и г-жа Онѣгина проработали лѣто даромъ.

А—енко.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Зимній театральнй сезонъ въ провинціи открытъ: въ Одессѣ начали его «Дѣтями Ванюшина», въ Саратовѣ—«Идиотомъ», въ Ригѣ—«Снѣгурочкой» и т. д., а въ Екатеринославѣ... угадайте чѣмъ?.. «Первой гастролью» «феноменальнаго италіанскаго артиста-трансформатора» г. Бернарди. Эта «въ своемъ родѣ знаменитость» пріютилась на подмосткахъ Новаго зимняго театра, эксплоатируемаго г. В. Н. Шульцемъ и И. И. Викторомъ-Борченко. Г. Бернарди исполняетъ одинъ-одинешенекъ 5 дѣйствующихъ лицъ въ «трагико-комической сценѣ»—«Неожиданное приключеніе», 26 ролей въ сценѣ «Въ концертномъ залѣ» и пр. Если-бы такъ начинали сезонъ гдѣ-нибудь въ захолустьи, напримѣръ, въ Царевкошайскѣ или въ Туруханскѣ, то еще куда бы ни шло—тамошние обыватели помирились бы и на трансформаторъ Бернарди, такъ какъ не всякая труппа рискнетъ заглянуть въ эти уголки, но описанный выше случай мы наблюдаемъ въ городѣ почти съ двухсотъ-тысячнымъ населеніемъ, съ тремя ежедневными газетами, массою просвѣтительныхъ учреждений, электрическимъ освѣщеніемъ, трамваемъ и прочими принадлежностями крупныхъ центровъ...

Вообще, начало зимняго сезона въ Екатеринославѣ сопровождается курьезами. Не угодно ли вамъ такую, напримѣръ, еще сценку. Въ одинъ прекрасный день къ заправиламъ нашей аудиторіи народныхъ чтеній жалуютъ два господина и предлагаютъ уступить имъ, подѣ устроитво концерта, залъ аудиторіи. Поговорили—сошлись. Анонсы о концертѣ вышущены. Читая эти анонсы, гг. распорядители аудиторіи разводятъ руками и глазамъ не вѣрятъ; позволяютъ, говорятъ они, вѣдь мы сдавали наше помѣщеніе подѣ настоящей концертъ, а въ анонсахъ объявляется о какомъ-то дивертисментѣ, мѣсто которому скорѣе въ какомъ-нибудь шато-кабакѣ, а никакъ не у насъ... Уразумѣвъ въ чемъ дѣло, совѣтъ распорядителей отказалъ, конечно, гг. устроителямъ «концерта», оказавшимся представителями кафе-шантана...

Настоящій зимній сезонъ начинается у насъ съ 23 сентября въ той-же аудиторіи народныхъ чтеній, гдѣ будетъ подвизаться малороссійская труппа С. А. Глазуенко, играющая до этого въ городскомъ саду. Для перваго спектакля пойдетъ драма М. Л. Кропивницкаго—«Дай сердцеві волю»,

заведе въ неволю». Цѣна мѣстамъ назначена самая доступная, а именно отъ 15 коп. Затѣмъ на 1, 2 и 3 октября объявлены гастроль В. Э. Коммиссаржевской. Пойдутъ: «Вѣчная любовь», «Горнозаводчикъ» и «Жаворонокъ».

Вадимъ Световидовъ.

РЕПЕРТУАРЪ

С.-Петербург. Императорскихъ театровъ.

Въ Александринскомъ театрѣ. 30-го сентября: «Сонъ въ лѣтнюю ночь».—1-го октября: «Забава», «Моцартъ и Сальери».—2-го: въ 1-й разъ: «Да здравствуетъ жизнь!», др.—3-го:

«Мамуся».—4-го: «Да здравствуетъ жизнь!».—6-го: «Забава», «Моцартъ и Сальери».

Въ Михайловскомъ театрѣ. 30-го сентября: «Омутъ».—1-го октября: «Pour le monde».—2-го: «Свадьба Кречинскаго».—3-го: «Pour le monde».—4-го: «Свѣтитъ, да не грѣетъ».—5-го: «Ma fée».—6-го: «Ma fée».

Въ Маринскомъ театрѣ. 30-го сентября: «Демонъ».—1-го октября: въ 1-й разъ: «Сервилія».—2-го: «Аида».—3-го: «Зигфридъ».—4-го: «Евгеній Оягинъ».—6-го: утромъ: «Царская невѣста».—Вечеромъ: «Щелкунчикъ»,—1-й и 2-й акты бал. «Жавотта».

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

СЕВАСТОПОЛЬ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ ГОРОДСКАГО СОБРАНІЯ

со сценой, электрическимъ освѣщеніемъ и декораціями

— С Д А Е Т С Я —

для театральныхъ представлений въ теченіе зимняго сезона 1902—1903 гг. Залъ имѣетъ 4 ложи, 442 кресла (20 рядовъ по 22 кресла). Валовой сборъ по среднимъ цѣнамъ до 600 р.

За подробными справками просятъ обращаться въ Совѣтъ Старшинъ Севастопольскаго Собранія.

№ 5607

3—3

Mme ВЕЛЛИНЪ

возвратясь изъ заграницы

имѣетъ большой выборъ

— ДАМСКИХЪ ШЛЯПЪ —

лучшихъ домовъ Парижа.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ.

Владимірскій просп., д. № 3, кв. № 10.

5613

52—1

ОПЕРНАЯ АРТИСТКА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГУРЬЕВА

Ученица по ролямъ Профессора Г. Г. Кроссъ и по пѣнію М. Д. Прянишникова.

Преподаетъ уроки

МУЗЫКИ, ПѢНІЯ
и **ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.**

Адресъ: Владимірскій, 19, кв. 3.

Пріемъ заказовъ

ПЛАТЬЕВЪ и ВЫКРОЕКЪ.

Фонтанка, д. № 86, кв. 45.

5614

2—1

Глицериновое мыло.

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКѢ

приготовлено въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Мыло глицериновое на березовомъ сокѣ, котораго обильная освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжную бѣлизну, мягкость и бархатность.

Цѣна 50 коп., съ пересылкою 3 куска 2 руб.

Завѣдующіе Лабораторію Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ препаратахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Эмиль Беръ. Гамбургъ; для Южной и Сѣверной Америки: Л. Мишнеръ, Нью-Йоркъ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ. С.-Петербургъ, Басейная улица, № 27.

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

„ЧТЕЦЪ-ДЕКЛАМАТОРЪ“.

Художественный матерьялъ для чтенія на литературныхъ вечерахъ, дивертиссементахъ, драматическихъ курсахъ. Здѣсь помѣщено—болѣе 300 избранныхъ стихотвореній, масса сценъ, рассказовъ, монологовъ, а также портреты любимыхъ поэтовъ и артистовъ.

Цѣна 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 коп.

Складъ изданія у И. Самоненко въ Киевѣ, Крещатикъ, д. 39.

Разрѣшены С.П.Б. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащія въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

ШВЕДСКІЙ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

укрѣпляетъ слабыя десна, придаетъ пріятный запахъ рту и уничтожаетъ винный камень. Флаконъ 80 коп.

ШВЕДСКІЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ

придаетъ зубамъ желаемую бѣлизну, уничтожаетъ винный камень, чиститъ зубы и восстанавливаетъ бѣлизну эмали на зубахъ. Коробка 50 коп. Шведскія зубныя средства Голлендеръ продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Имперіи. Торговый домъ „Парфюм. Лабор. Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“: С.Петербургъ, Развѣзжая ул., № 13.

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИБОССЪ“

В. Семаденъ, въ Киевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадъ.

5611 13—1

Театръ-концертъ „АЛКАЗАРЪ“.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

Е Ж Е Д Н Е В Н О

grande Soirée Amusante большая интер. программа.

Дебютъ извѣст. франц. пѣв. La Jolie Деллаферъ, знам. исп. танц. La dello Леонора, знам. трио Les Бонтесъ, трио Маригольдъ, итальянск. шансон. пѣв. m-lle Реали, m-lle Делила, La belle Мили Каролла, m-lle Ренке, m-lle Шенингъ, шансон. пѣв. m-lle Искра, m-lle Вѣрина, m-lle Делисъ, m-lle Гальмай, m-lle Оливетъ, m-lle Андримонъ, m-lle Бизетъ, m-lle Ионеско, m-lle Табори, изв. куц. г. А. М. Войцеховскій, г. Александровъ, квартетъ Калай, квартетъ „Сафо“. Русскій хоръ г-жи Волнокиной, малорусская труппа г-жи Яковлевой, оркестръ г. Штейнбрехера. Начало ровно въ 8 час. вечера.

ЛАНДАНОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Дирекція А. И. Иванова и В. А. Казанскаго).

Русская комическая опера и оперетка.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ

Главный режиссеръ А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Главный капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Начало спектаклей въ 8 ч. Касса открыта съ 10 ч. утра.

Репертуаръ театровъ С.П.Б. Гор. Попеч. о нар. трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Въ Воскресенье, 29-го Сентября: днемъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. Въ 7-й разъ представ. историч. хроникъ въ 12 карт. Островскаго, „ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ и ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ“. Вечеромъ: 1) „СУВОРОВЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ, ВЪ МИЛАНѢ и ВЪ ОБЩЕСТВѢ ХОРОШЕНЬКИХЪ ЖЕНЩИНЪ“, ком. въ 3 д., соч. Н. Куликова. 2) „ВОРОНА ВЪ ПАВЛИНЬИХЪ ПЕРЬЯХЪ“, вод. въ 3 д., Куликова.—Въ Понедѣльникъ, 30-го: оперный спектакль: „ЧАРОДѢЙКА“, опера въ 4 дѣйств., муз. Чайковскаго. До 8-ми час. веч. музыки и увеселеній не будетъ.—Во Вторникъ, 1-го Октября: днемъ съ 2 часовъ: „ТРЕТИЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОНЦЕРТЪ“. Веч.: Предст. истор. драмы въ 5 дѣйств. Кукольника: „ДЕНЬЩИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО“.—Въ Среду, 2-го: въ 4 разъ „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“, оп. въ 4 д. муз. Мусоргскаго.—Вся новая обстановка.—Въ Четвергъ 3-го: въ 1-й разъ „ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА“, др. въ 5 д. Бурдина.—Въ Пятницу, 4-го: оперный спектакль, въ 1-й разъ по возобновленіи „ВРАЖЬЯ СИЛА“, оп. въ 5 д. муз. А. Н. Сѣрова.—Въ Субботу, 5-го: Музыка и увеселеній не будетъ.—Въ Воскресенье, 6-го: днемъ въ 1 часъ, въ 8-й разъ „ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ и ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ“, въ 12 карт. Островскаго. Вечеромъ, въ 1-й разъ по возобновленіи: „ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ или ЖИЗНЬ ИГРОКА“, драма въ 6-ти карт., Виктора Дюканжа и Дино.

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

(б. Стеклян. зав.).

Въ Воскресенье, 29-го Сентября: въ 1-й разъ „ВОРОВКА ДѢТЕЙ“, др. въ 5 д. и 8 карт., пер. Бурдина.—Во Вторникъ, 1-го Октября: въ 1-й разъ „БАЙБАКЪ“, ком. въ 4 д. Тихонова.—Въ Пятницу, 4-го: „КИНЪ или БЕЗПУТСТВО и ГЕНИИ“, др. въ 5 д. Дюма, пер. П. Вейнберга.—Въ Воскресенье, 6-го: „ДВА ПОДРОСТКА“, др. въ 5 д. Пьера де-Курселя. Въ антрактахъ играетъ румыскій оркестръ Г. ЖОРЖЕСКО. Касса открыта ежедневно, съ 10-ти ч. утра.

Въ Петровскомъ Паркѣ по воскресн. и праздн. днямъ безплат. народ. гулян. Нач. съ 1 ч. дня до 7 ч. веч. Представ. пантомимъ и разнообр. развлеч. Народ. стол. и чайн. Вр. завѣд. театр. частью режис. А. Я. Алексѣевъ.

Готовятся къ постановкѣ въ Народномъ домѣ: 1) большая обстановочная пьеса „1812 годъ—ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, 2) опера Чайковскаго: „ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА“.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

слѣд. изданіе журнала „Театръ и Искусство“:

„ПОБѢДА“

пьеса въ 5 д. В. О. Трахтенберга. Ц. 2 р. (ближ. новинка Александрин. театра).

„НАСЛѢДНЫЙ ПРИНЦЪ“

(литогр. изданіе),

пьеса въ 4 д. Э. И. Латернера. Ц. 2 р. (ближайш. новинка Литературно-Худож. театра въ С.П.Б.).

Въ конторѣ журн. „Театръ и Искусство“ продается:

Водевиль „ГЕЙША“

въ 1 дѣйствіи съ пѣніемъ

Л. И. Гебела.

Съ клавирауцугомъ и съ печатной оркестровкой.

Цѣна 2 рубля.

Нов. пьесы Николая Дингельштедта.

Вышли изъ печати:

ЖИВАЯ СТАТУЯ, фарсъ въ 4 картин. Новый опытъ. Страшное преступленіе. Влюбл. репортеръ. Скандалъ.

ПОХОЖДЕНІЯ СКРЯГИ, драм. сц. въ 4 д. Мучитель семьи. Въ меблир. комнатахъ. Горячій аукціонъ. Смерть на золотѣ.

ЗРЯЧІЙ-СЛѢПОЙ, комедія-шутка въ 2 дѣйств.

Всѣ пьесы безусл. довол. Прав. Вѣст. 1902 г. № 3. Цѣна сборника 1 руб. Пять экзempl. по числу глав. ролей—3 руб. (выпис. отъ автора).

СЫНЪ НАПОЛЕОНА (Герцогъ Рейхштадтскій) переводъ шести-актной драмы Ростана „Орлеанокъ“ въ прозѣ и, частью, въ стихахъ Николая Дингельштедта (полная и сокращенная постановки). Цензурованные рукопис. экзempl. выпис. только отъ переводчика, С.-Петербургъ, Знаменская ул., 12, кв. 5. Цѣна 2 р.; налож. плат. приб. 20 коп. 5513 12—10